

"Военспец. Чужое лицо"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Юрий Корчевский

Военспец. Чужое лицо

© Корчевский Ю. Г., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

В оформлении переплета использована иллюстрация художника Е. Деко

* * *

Смута

Глава 1. Чужое лицо

Андрей был единственным в компании своих друзей, кто не был женат. Друзья уже детишками обзавелись, а он холостяковал. По этой ли причине, либо из-за каких-то душевных качеств, но Андрей стал замечать, что стал для друзей вроде жилетки, в которую можно поплакаться. Как только у них проблемы - на работе, с машиной, даже порой в семье, - так обращаются к нему. А он не мудрый Соломон, не семи пядей во лбу. Взвесит все, конечно, даст совет. Только не всегда друзья прислушивались. Час назад позвонил Павел, Андрей телевизор смотрел, футбольный матч. На улице погода мерзкая, ветер, темень, дождь. А дома уютно и тепло. Не хотелось одеваться, выходить на улицу в такую промозглую погоду. Но друг просит о помощи, надо пересилить себя. Потому с ворчанием оделся, натянул дождевик, набросил капюшон. Вообще-то у Пашки машина, мог бы сам к дому подъехать. Ан нет, назначил встречу на улице.

Андрей поёжился. С неба моросил мелкий противный дождик, дул промозглый ветер. Погода - хуже не придумаешь. И Павел что-то запаздывал, хотя сам позвонил, напросился на встречу. И времени уже восемь вечера, пятница. Люди дома после трудовой недели отдыхают, после ужина, а иногда и стопки.

Павел должен был подъехать на своей машине.

Андрей посмотрел на часы - было уже пять минут девятого. Обычно Павел точен. Позвонить ему или не дёргать человека? Вроде уже и пробок нет.

Недалеко от Андрея, буквально в двадцати шагах, стояла телефонная будка. Не современный пластиковый навес над таксофоном, а старая, ещё образца семидесятых годов, из железа и стекла, окрашенная в синий цвет. Андрей ещё удивился - как она сохранилась? Или потому, что стояла на окраине? Народ сейчас всё больше мобильными пользуется, у каждого сотовый аппарат, а то и не один.

По капюшону стекали крупные капли, и Андрей решил укрыться в телефонной будке. Хотя стёкла в ней давно выбила местная шпана, но крыша-то есть, хоть сверху капать не будет. За будкой был фонарь, и в его свете Андрею хорошо было видно, что она пуста. Если Павел подъедет, красная куртка на Андрее сразу будет ему видна. Андрей про себя чертыхнулся: ну почему он сразу в будке не спрятался? Мок почём зря.

Он уже сделал несколько шагов к телефонной будке, как вдруг её дверь неожиданно

открылась, и из будки вышел мужчина. Андрей поклясться мог, что будка была пуста – в свете фонаря её было видно насквозь. И войти незаметно туда тоже никто не мог.

Андрей отворачивался от порывов ветра, швыряющих в лицо крупные капли дождя, и почти всё время вынужден был смотреть в сторону будки.

«Всё-таки не усмотрел», – с досадой подумал он. Да и что он – солдат на посту у этой будки, чтобы следить за ней? Ну, вошёл человек, не дозвонился и сразу вышел. Секундное же дело!

Андрей распахнул дверь будки и вошёл внутрь. Деревянный пол будки был сухим, только с его ботинок стекала вода. Опять нелепица. Мужчина, который только что был здесь, тоже должен был оставить следы. Наверное, телефон не работает.

Звонить Андрею никуда не нужно было, но он снял трубку. Сейчас же пошёл гудок – таксофон работал. А собственно, что он прицепился к таксофону и будке? Сверху не льёт, и то хорошо.

Мимо проехала машина и остановилась на углу. Андрею было не разобрать – Павла это машина или нет. Его машина такая же чёрная, как и эта.

Андрей решил подойти к автомашине. Когда до неё рукой подать, звонить просто смешно.

Он открыл дверь будки и вышел. В ту же секунду его ослепил солнечный свет, и он понял – мир вокруг него непостижимым образом изменился. Только что был вечер, промозгло, шёл дождик. А сейчас светло, сухо и тепло, пожалуй, даже жарко.

Но не это удивило Андрея: города не было – ни домов, ни улиц, ни машин. Неужели он в передрыгу попал, неведомым образом перенесся неизвестно куда? Так, значит, это была не телефонная будка, а портал во времени? Ведь вышел же из неё мужик, которого до того в будке не было. Читал он про такое, но не очень верил. Андрей попятился, пытаясь нащупать дверцу и вернуться в будку, но рука хватала воздух. Боясь поверить своим глазам, он обернулся. Будки не было.

– Вот блин, попал! – чертыхнулся он. В том, что перенос в другое время или в другой параллельный мир возможен, он уже убедился – даже в газетах об этом не раз читал. То в Париже в могиле рыцаря обнаружат современные часы, то ещё какую-нибудь странность – как в Пекине, с терракотовой армией императора.

Узнать бы только, где он и какой сейчас год.

Андрей пошарил по карманам. Деньги, телефон, носовой платок, ключи от дома. И ни одной полезной вещи вроде ножа или зажигалки, которые позволят выжить. Но не ходить же ему в жилете со множеством карманов, как Вассерман? Правда, у того разные справочники, а ему следовало бы носить ножи, инструменты или оружие. Нет, с оружием перебор. Даже кремнёвый пистолет велик по размеру и тяжёл, сразу полицейские прицепятся.

И ещё: было ощущение, что телу некомфортно, что что-то не так, только непонятно – что? Он случайно провёл рукой по щеке и поразился: господи, борода-то откуда? Ведь утром брился! За день отрасти не могла, он иногда вообще брился через день, поскольку станок брил очень чисто. Но за день – даже за три дня – такая густая и длинная борода не отрастёт.

Андрей осмотрелся. Небольшая рощица слева, мимо узкая грунтовка идёт. И никаких признаков цивилизации: столбов с проводами – телефонными или электрическими, – пролетающих самолётов, следов автомобильных колёс. И сотовый телефон паникует, пишет всё

время «Поиск Сети». Посмотрев на экран, Андрей выключил его. Сети здесь нет, и будет она не скоро. Было такое ощущение. Хоть бы прохожий или крестьянин попался, узнать бы – где он и какое время на дворе? Вопросы самые главные.

Издали донёсся перестук копыт, и из небольшой балки показался всадник. Уже хорошо, есть кого расспросить.

Но по мере того, как всадник приближался к нему, надежда Андрея сменилась разочарованием, даже страхом. По дороге навстречу ему ехал самый настоящий татарин. Верховом на мохнатой лошадёнке, в халате, опоясан саблей, из-за плеча виден лук и саадак со стрелами.

Когда всадник подъехал ближе, стало видно скуластое раскосое лицо с жиденькой бородкой – лицо типичного степняка. На голове малахай – это летом-то!

Татарин на ходу выхватил саблю.

Чёрт! Укрыться негде – он в открытом поле, и оружия никакого. Бежать нельзя – от верхового не убежишь, сразу срубит. И потому Андрей стоял спокойно.

Когда до татарина осталось двадцать шагов, он крикнул на татарском языке:

– Остановись, безумец! Я сборщик податей!

Андрей и сам не понял – как получилось. До того языка не знал, а тут взял и выдал. Никак будка всему причиной. Татарин натянул поводья и остановился перед Андреем. Татарская речь или необычная одежда ввели его в заблуждение, но он вернул саблю в ножны.

– По тебе не скажешь, что татарин. Пайцза есть?

– А как же! – Андрей сделал вид, что полез за пазуху. Татары карманов не знали и важные предметы прятали за пазухой или в рукаве.

Татарин наклонился и протянул руку, готовясь принять пайцзу – медную или кожаную табличку.

Вот тут-то Андрею и пригодились навыки, полученные им в армии, в бригаде спецназа ГРУ. Был такой период в его жизни, не самый радостный. А ещё в клубе исторической реконструкции занимался два года, сабельному бою обучился, но только пешим. Он мгновенно схватил степняка за запястье и резко дёрнул вниз. Татарин не удержался в седле и грохнулся на землю. Андрей тут же ударил его ногой в кадык и рухнул на него коленом – аж рёбра захрустели. Обеими руками ухватив голову татарина – за подбородок и затылок, – резко крутанул, выворачивая шейные позвонки. Раздался щелчок, и татарин обмяк, закатил глаза. Готов! А не фиг сабелькой махать!

Андрей снял с убитого лук, саадак, расстегнул пояс с саблей и всё надел на себя. Обыскал татарина. Гол как сокол – ни денег, ни пайцзы. Пайцза им – удостоверение личности, ханский знак. С ним через татар легко пройти можно, а попросишь – так и помощь окажут, обязаны.

Состояние было странное. Недавно, минуты назад, он был в городе, лил дождь, а теперь татарин, и он в роли злобного шайтана. Ой, как бы все это боком не вышло!

За ноги Андрей оттащил убитого в небольшую ложбинку – с дороги не так заметно будет. Сам же взгромоздился на небольшую лошадку и тронул поводья. Но лошадь, чувствуя на себе чужого, не желала принимать его за хозяина. Она повернула морду и попыталась укусить Андрея за колено.

К таким фокусам Андрей был готов и ударил животное ногой по морде. Лошадь сразу присмирела и покорно пошла по дороге.

- Ну вот, всегда бы так!

Из-за поворота дороги показалось небольшое село, огороженное стеной. И только когда Андрей подъехал поближе, он понял, что ошибся – это был монастырь. Ворота его были закрыты, а над ними, в надвратной башне, стоял инок или монах в чёрном подряснике и с алебардой на плече. Выглядело всё вполне реально.

Андрей подъехал, поздоровался:

- Добрый день.

- И тебе доброго здоровья.

- Это монастырь?

Монах усмехнулся:

- Он самый, Ферапонтов.

- Это где же такой?

Монах от изумления округлил глаза:

- Как где? Ты перед ним стоишь!

- А губернии какой?

- Так Воронежской, как всегда был. Ты что, не местный?

- Издалека еду.

- То-то я смотрю, вид у тебя непотребный. Одежка нерусская, лошадь татарская. Не немец ли?

Немцами на Руси называли всех иностранцев.

- Наш я, русак. Но ты угадал – из-за порубежья добираюсь. А кто нынче на троне, кто государь?

- Был Бориска Годунов, однако слух прошёл, что вроде как помер он. То ли убили, то ли сам...

«Хм, – подумал Андрей, – Годунов-то умер в тысяча шестьсот пятом году...»

- А как мне в Воронеж попасть?

- Вот по этой дороге езжай, она тебя на большак и выведет. С него не сворачивай. Шлях этот торговый, с самого Крыма проклятого идёт.

- Что, крымчаки беспокоят?
- Почитай, каждый год! О прошлом годе монастырь дочиста сожгли, половину чернецов убили.
- Лихо у вас тут!
- Ещё как! Раньше им хоть какой-то укорот был, а сейчас... – Монах огорчённо махнул рукой: – Одно слово – безвременье.
- Ну, тогда бывай.
- И тебя пусть Господь хранит. Православный ли?
- Крещён.

Андрей тронул коня. Похоже, с годом он определился, с местоположением – тоже. Времечко не самое удачное. Если в самом деле Годунов умер, то грядёт великая Смута с чередой самозванцев. По краешку пропасти Россия пройдёт, без малого под власть Речи Посполитой не попадёт, без малого не разорвут её на лакомые куски поляки, шведы, татары. В Москву надо пробираться. Там сейчас будут разворачиваться важные для страны события, его место там. Что будет делать в Первопрестольной, неизвестно, на месте определится.

Русь долго, несколько веков, была под татаро-монгольским игом, на положении вассала. Для удобства сбора податей ханы ордынские определили Москву главным городом. Первопрестольная собирала деньги с княжеств и везла в Орду. Но таким образом татары, сами того не желая, сделали Москву центром вассальных княжеств. И тот, кто владел Москвой, главенствовал в России, и особенно отчётливо это стало видно после победы Дмитрия Донского над Мамаем на Куликовом поле.

При Иване Грозном Москва только укрепилась, стала центром независимости, сопротивления. И Грозного впервые на Руси нарекли царём и самодержцем – до того правителей Руси называли великими князьями.

Версты через две показалось село. Оно было обнесено тыном, и в центре, на площади, высилась небольшая церковь.

Здесь Андрей решил заночевать. Солнце к закату клонилось, ещё час-два – и темно будет. А спать одному в голом поле не хотелось.

Одно плохо – денег у него нет. А кушать уже хочется. Можно, конечно, попробовать продать что-нибудь или обменять на еду.

Он проехал через открытые ворота в село и спросил у играющих на пыльной улице мальчишек, где находится постоялый двор.

- Вон он, дядька, прямо.

Андрей проехал немного.

Постоялый двор был серьёзным, несоразмерно великим для такого села. Наверное, потому, что стоял он на бойкой дороге, ведущей из Крыма и Кавказа на Москву или Новгород, в русские земли.

Сразу за воротами постоянного двора к нему подскочил слуга, с поклоном принял узду и повёл лошадь в конюшню. Андрей же в трапезную прошёл, сразу к стойке.

- Мне бы хозяина.

Мужик за стойкой внимательно осмотрел Андрея. Ну да, одежда на нём непривычная, скорее всего, немец на постоянный двор забрёл, только по-русски чисто говорит, хоть и с акцентом непонятным.

- Я хозяин.

- Подхарчиться бы мне, переночевать по-человечески да лошадь накормить-напоить.

- В сей момент исполним.

- Загвоздка есть одна - без денег я. Могу обмен предложить.

Глаза хозяина остро блеснули.

- На выбор предлагаю: либо лук татарский с полным колчаном стрел, либо музыкальную шкатулку.

Хозяину стало интересно:

- Покажи диковинку.

Андрей вытащил мобильный телефон, залез в «меню» и проиграл несколько мелодий. Телефон известной корейской фирмы звучал громко.

Хозяин заворожённо уставился на экран с яркими заставками и нервно облизнул губы.

- Занятой работы вещица. Что хочешь за неё?

- Я её за две монеты золотом купил. Думал в Москву доставить, к царскому двору. Да в дороге прослышал, вроде умер Годунов, - беззастенчиво врал Андрей.

- Умер, точно. Ещё тринадцатого апреля. Говорят - изо рта, ушей и носа кровь хлынула. Два часа и прожил всего.

- Ай-яй-яй! Что на свете творится!

- Угу. В Архангельском соборе упокоен, под именем монаха Боголепа.

- Пусть земля будет ему пухом!

- Так на царство взошёл сын его, Фёдор.

- Стало быть, новый государь у нас.

- Вроде того.

Хозяин повертел в руках телефон:

- Дивная работа, тонкая. Чудо чудное, диво дивное. А где ключик? Как заводится? Видал я как-то у гостя торгового. Ключиком покрутить надо, тогда баба крутится наверху, на крышке, и

песня играет.

- Тут без ключа, нажал кнопку и слушай. Надоест – вот тут кнопки. Нажмёшь – другая музыка заиграет. Только больше десяти песен за раз нельзя, он время от времени отдыхать должен.

По-всякому аккумулятора должно хватить до завтрашнего вечера, а к тому времени он уже далеко будет.

- Беру, коли за один золотой уступишь.

- По рукам, от сердца отрываю.

- Расчёт утром. Я же от золотого отнять должен – за постой, за еду.

- Само собой.

- Тогда садись, ешь-пей, что душе угодно – для хорошего человека ничего не жалко.

Андрей проголодался изрядно, заказал пива, жареную курицу, пироги с рыбой. Всё было сытно, вкусно и недорого. Это вино заморское дорого стоит, а он заказал пищу местную. Скорее всего, деревенские ему поставляют и кур, и мясо, и муку. Всем удобно.

Пока хозяин ходил и развлекался с телефоном, Андрей наелся от души. А зачем ему здесь телефон? Только лишний вес таскать.

Он допивал пиво, когда в трапезную шумно вошёл купец в потрёпанной и пропылённой одежде, а за ним – возничие его обоза. Купец потянул носом:

- Пахнет вкусно!

Он обернулся, увидел Андрея и стоящий за ним в углу лук и саадак.

- Твой?

- Мой.

Купец подсел на лавку.

- Интерес к тебе есть. Не возьмёшься ли обоз мой до Москвы сопроводить? Татары проклятые двух моих охранников живота лишили, сам насилу откупился.

Андрею с ними было по пути. Вот только обоз идёт медленно. А впрочем – куда ему торопиться?

- Сколько заплатишь?

- Рубль серебром.

Андрей задумался. По нынешним ценам это много или мало? Хозяин за стойкой едва заметно кивнул. Ну да, за телефон испугался. Купец может деньги авансом дать. Хотя ведь по рукам ударили, сделка состоялась.

- Идёт. Но деньги вперёд.

- Половину. Вторую отдам в Москве.

Купец отсчитал медяки и пододвинул их Андрею. Тот сгрёб их и ссыпал в карман. Какие-никакие, а всё же деньги. Откуда ему было знать масштаб цен?

Святая простота! После двух неурожайных лет подряд, когда зимы были очень снежными, а летом поля заливали дожди, цены на продукты взлетели сильно - в двадцать пять раз. Голова сахара в пуд стоила шесть рублей, бочка сельдей - два рубля, пуд соли - алтын, а пуд сарацинского зерна, как тогда называли рис, - аж четыре гривны. И купить за эти медяки можно было теперь репы бадейку.

- Утречком выезжаем, - предупредил купец. - Харч - за мой счёт. Меня Наумом звать.

- А меня - Андреем.

Слуга проводил Андрея в его комнату. Здесь он запер дверь на засов, разделся и улёгся на кровать. Лук и саadak в угол поставил. Первый его день в этом времени прошёл относительно удачно. Хотя с луком... Держал он его в руках один раз, новодел. А в стрельбе из лука постоянно тренироваться надо. Пару пистолетов бы ему - оружие привычное. И с этим переносом - везёт ему или нет? Миллионы людей живут себе спокойно, а он влип. Бывает, что дерево молнии притягивает - так там всё объяснимо. Но он-то чем среди других выделяется? Не найдя вразумительного объяснения, он уснул.

Проснулся Андрей оттого, что по коридору кто-то ходил. Сквозь маленькое слюдяное оконце занимался рассвет.

Он умылся и спустился в трапезную. Тут же завтракал купец, причём завтракал плотно.

- Ты не смотри, что так рано, второй раз вечером кушать будем. Себе заказывай.

Андрей поел, и они вышли во двор. Вчерашний слуга, позёвывая, помог ему заседлать лошадь, затянул подпругу.

Купец вышел последним, когда все четыре подводы его обоза были уже готовы и возничие сидели на облучках. Тут он увидел Андрея сидящим на коне.

- Так у тебя свой конь есть? А я всё думал - на какую подводу тебя посадить, чтобы лошади не тяжело было.

- Что за груз?

Купец помялся немного, но шила в мешке не утаишь.

- Бархат везу. В Москве аршин простого стоит рубль и двадцать алтын. А у меня бархат расшитый. Да сукна аглицкого немного, по четырнадцать рублёв постав. Груз нетяжёлый, но объёмный. Всё из Персии да Венеции.

- В Венеции стекло делают, а про ткани я не слышал.

- Ну да. А я не сказал разве? Зеркала ихние везу. Аж три штуки.

- Что же больше не взял?

- Дорогие, гривна штука.

- Дай поглядеть.

Купец порылся в подводе, достал зеркало и протянул его Андрею. Небольшое – как две сложенные вместе ладони. На рамку бронзовую посмотрел, потом – на себя в зеркале. На Андрея смотрел чужой человек, не он. Абсолютно незнакомое, чужое лицо. Он по жизни был русым, а в зеркале отражался смоляной брюнет: чёрная борода, чёрные волосы на голове и тёмно-карие глаза.

Андрей впал в лёгкий шок, из которого его вывел голос купца:

- Неужели свою харю в зеркале никогда не видел? Да зеркало уже верни, товар дорогой, не приведи господь, разобьёшь.

Андрей вернул зеркало. Купец бережно обернул его тряпицей и уложил в плетённую из ивы корзину.

- Трогаем! – и вскочил на телегу.

Обоз не спеша тронулся и выехал с постоялого двора. Замыкающим трусил на татарской лошадёнке Андрей.

Некоторое время он за дорогой не следил, и лошадь шла за телегами сама. Андрей же переживал совсем о другом. К внешности своей он привык, она ему нравилась, а тут – здравствуйте вам! На вид – ширый украинец, если вообще не кавказец, и на десяток лет старше, чем был на самом деле. Ладно, если всё это – причуды переноса во времени. Он питал надежду, что вернётся – но лицо? Не дай бог, таким останется и потом. Его же никто не узнает: ни родители, ни друзья – даже на работу не пустят. Вот попал! Как кур в ощиц.

Приходил в себя Андрей долго, и только к полудню решил, что нечего так сильно переживать. Здесь его никто не знает, и он будет носить то лицо, которое ему досталось. Могло быть и хуже. Ведь он вообще мог превратиться в женщину – свят, свят, свят!.. Господи, пронеси и помилуй! В Средние века на Руси и слова-то такого не знали – всё баба или девка. Да и выжить в такой ситуации одинокой женщине невозможно. Или в родительском доме, или в семье мужа. В противном случае с голоду умрёт или попадёт в рабство. В Москве даже семейные люди в 1601-1602 годах гибли – два года неурожайных подряд выпали, в братских могилах было захоронено двести семьдесят тысяч умерших от голода. В столице всех собак и кошек съели, были даже случаи каннибализма. А сколько было захоронено при церквях? Первопрестольная потеряла половину жителей, а Русь – треть. И годы эти тяжкие выпали в правление Годунова.

Чтобы отвлечься от тяжких дум о своём лице, Андрей подъехал к подводе, на которой сидел купец.

- Откуда едем?

- Вестимо – из Крыма.

- Так крымчаки на Русь постоянно нападают, грабят, людей в полон уводят.

- А торговых людей они не трогают, если только башибузуки. Как без торговли любой стране жить? Товаров не будет – все голодные и оборванные ходить будут. А торговля – она и для государства хороша, мытари налоги собирают, и людям удобна. Не, торговля никогда не исчезнет. Сам-то ты откуда?

- Переяславский, - соврал Андрей. - Только не был там давно. Уж и не знаю, осталась ли родня.
- Одежда на тебе странная - как на немце.
- Бывал я в тех странах. Одно плохо - языков я не знаю.
- А я освоился.
- Надо же, похвально.
- Рыбки сушёной не хочешь?
- Потом пить захочется. Нет, не буду.
- Как хочешь.

Купец достал из воза сушёную рыбку и стал колотить ею о борт телеги. Потом очистил, разложил и вцепился зубами. Запах от рыбы пошёл соблазнительный, и Андрей сглотнул слюну. Однако переборол себя. После рыбы во рту сушить будет, а воды с собой нет. Да хоть бы и была - после потом изойдёшь. Ещё в армии его учили: много не пей, с потом сила уходит. Мучит жажда - сделай пару глотков, и всё. С тех пор он неукоснительно придерживался мудрых наставлений.

Они доехали до брода. Возничие прыгнули и стали поодиночке переправлять подводы на тот берег, помогая лошадям и подталкивая возы. Речка неширокая, однако берег крутой, и лошадь сама не вытянет.

Верхом на своей лошадке Андрей сразу переехал на другой берег. Если кто-то и решит напасть, так переправа - самое удобное место. Пустить лошадей вскачь невозможно, да и люди заняты переправой, за окружающей местностью не следят.

Купец, помогая возничим толкать повозки, просипел натужно, обращаясь к Андрею:

- Слез бы с коня, помог.
- Моё дело - охранять, ты меня для этого нанимал, - спокойно ответил Андрей.

Купцу ответ явно не понравился, и он счёл Андрея белоручкой и лентяем. Пусть его!

Брод они преодолели благополучно. Когда обоз уже стоял на другом берегу, возничие стали разуваться и выливать воду из сапог - ведь вода в реке была выше колена.

Андрей и помог бы им, но он помнил о своих прямых обязанностях и стал присматриваться к местности. Не понравилось ему, как вели себя птицы. Они низко летали над дальними деревьями и беспокойно кричали. А пуще всего сорока - та вообще трещала без умолку. «Чужой в лесу есть», - понял Андрей. Он был заядлым охотником и повадки зверей и птиц знал.

Обоз стоял на небольшой утоптанной поляне со следами кострищ. Видно, здесь не раз останавливались на ночёвку обозы и скорее всего - одинокие подводы. Те, кто товар возил постоянно, знали о существовании совсем недалёкого постоянного двора, но на природе ночевали люди небогатые, те, у кого каждая копейка на счету.

Возничие расселись по подводам, Андрей же подъехал к купцу. Вид у того был недовольный.

- Распорядись людям своим, пусть оружие достанут - у кого оно есть. Топоры хотя бы. Полагаю, недобрые люди впереди в лесу прячутся.

Глаза купца подозрительно блеснули:

- Откуда знаешь? Или сам из их шайки?

Андрей молча отъехал. Его наблюдательность и выучка армейская теперь обернулись против него.

Тем не менее купец подал условный знак. Как - Андрей не заметил, но возникшие полезли под облучки, достали оттуда топоры и взяли их в руки. Для русского человека, не воина, топор - инструмент привычный. Избу ли срубить, дров ли для костра набрать либо от разбойников оборониться - для любых дел топор в его руках сгодится.

А лихих людей в правление Годунова развелось много. Голод в течение нескольких лет подряд и отмена Юрьева дня толкали людей на злодейство. Крестьяне не могли прокормить свои семьи. Учитывая, что полиции или какого другого подобного ведомства на Руси отродясь не было, злодейство расцвело буйным цветом. О своей безопасности торговый люд и путешествующие по делам должны были заботиться сами, и потому купцы нанимали охрану или сбивались на постоянных дворах в крупные обозы - тогда было легче отбиться.

- Я вперёд поеду, - наклонившись с лошади, сказал Андрей купцу.

Он тронул лошадь, вытянул из ножен саблю и опустил руку с ней вниз. Так сабля со стороны была почти незаметна. Не стоило показывать вероятному противнику, что ты готов к отражению нападения. Конечно, если он не ошибся и в лесу их действительно ждут. А может, опасения его беспочвенны и там просто бродит бездомная собака или заплутал горький пьяница.

С поляны он выехал на узкую, в одну телегу, лесную дорогу. К ней почти вплотную подступали кусты. Плохо, могут из-за них внезапно выскочить.

Сзади послышался перестук колёс - это тронулся обоз.

Андрей напряжённо вертел головой по сторонам, выискивая следы присутствия людей. Но всё было тихо и спокойно. Тогда почему птицы беспокоятся?

Внезапно затрещало, и поперёк дороги упало дерево, перегородив ему путь. Тут же из кустов высыпала прятая до того ватажка лихих людей. Двое с дубинами побежали к лошади.

Андрей повернул лошадь поперёк дороги и ударил саблей по плечу первого, который бежал резвее всех. Второй не понял, что произошло, сделал два роковых для себя шага и тоже упал мёртвым. А нападавших оставалось ещё семеро, и они бежали к обозу. Добыча там, а с всадником и двое справятся. Как видно, роли были распределены заранее, а может, уже и опробованы в деле не раз, уж больно слаженно нападавшие действовали. Вперёд не проедешь из-за дерева, а на узкой дороге телеги не развернуть.

Андрей каблуками ударил лошадь в бока и рванул к обозу. Эх, выучки у обозников нет, каждый поодиночке у своего воза стоит. А надо бы им всем вместе нападение отражать.

Между тем первый из добежавших до обоза лихих людей уже схватил лошадь под уздцы.

Секунды хватило Андрею на то, чтобы оказаться рядом с ним. Ударом сабли он снёс разбойнику руку по локоть. Ещё одного татарская лошадка Андрея толкнула мордой в грудь. Он отлетел на пару метров и, ударившись головой о дерево, потерял сознание.

Разбойники не ожидали удара сзади. Полагая, что со всадником покончено, они отскочили в сторону, сбились в кучу и угрожающе размахивали оружием. У двоих в руках были старые, ещё дедовские, мечи, ещё у двоих – дубины крепкого дерева. Одетый получше, стоящий в стороне, похоже – главарь, держал в руках пистолет. «Хорошо бы его первого убить, – сообразил Андрей, – он самый опасный».

- Не подходи, живота лишим! – закричал главарь.

Наглость и нахрапистость, а навыков нет. Не из стрельцов беглых шайка, а из крестьян. Покалечить и убить могут, поэтому всё должны решать быстрота и натиск.

- Эй, на коне! Проваливай, мы тебя не тронем. И люди из обоза пусть уходят – нам они ни к чему.

- Ой, спасибо! Только вот меня вы не спросили, согласен ли я?

- Щас пальну! – Главарь поднял пистолет.

Дымка над замком нет, стало быть, не фитильный. А у кремнёвого от момента спуска курка до момента выстрела некоторое время проходит. Правда – мало совсем, полсекунды. Да и стрелок опытным быть должен. Оружие гладкоствольное, на пятнадцать метров в ростовую мишень уже не всякий стрелок попадёт.

Андрей положил саблю поперёк седла, чтобы под рукой была, стянул с плеча лук, вытянул из колчана стрелу и наложил её на тетиву. Всё это он проделал быстро. Конечно, лучник из него невеликий, но ведь и цель в десяти шагах – не птица в небе. Её только татары, стрелявшие сызмальства, сбивали. Ему такая точность не нужна.

Натянув тетиву, Андрей пустил стрелу. По большому пальцу левой руки и запястью сильно ударила тетива – наконечника и кожаной накладки, как у лучников, у него не было.

Стрела угодила в цель. Один из разбойников уронил дубину и, схватившись обеими руками за живот, из которого торчало оперенье, рухнул на землю лицом вниз.

Андрей тут же наложил на тетиву вторую стрелу и пустил следом. Она угодила другому разбойнику в плечо, хотя он целил в грудь. Тот заорал благим матом. Это хорошо. Раненый небоеспособен, а вид крови и его крики внесут в ряды разбойников панику, вселят страх.

Главарь всё-таки выстрелил. Пуля прошла неизвестно куда, не задев Андрея и лошадь.

Пока не рассеялся дым от выстрела, Андрей перекинул через плечо тетиву, схватил в руку саблю и ринулся на разбойников. Однако там оказался только убитый. На пути остальных, в панике убегающих прочь, лишь кусты трещали.

Сгоряча Андрей кинулся за ними.

Увидев и услышав погоню, разбойники бросили раненого и прыгнули в разные стороны.

Раненого Андрей добил. Выздоровеет – за прежнее возьмётся, враг хорош, когда он мёртв. Он

поворотил лошадь вправо, за убегающим главарём – тот уже оторвался от него метров на двадцать. Сабли или дубины у него нет, пистолет разряжен, и потому большой опасности он собой не представляет. Но главарь – всегда организатор. Эту шайку разгромили – он другую наберёт. Убить главаря – значит шайку головы лишить.

На лошади он догнал главаря быстро, хоть и пришлось между деревьев лавировать. С отяжкой ударил бегущего саблей по спине. Однако главарь успел пригнуться, и сабля лишь одежду разрешила да на коже царапину оставила.

Главарь взвизгнул, шарахнулся в сторону, за дерево и выхватил откуда-то нож. В рукаве он у него был, что ли?

- Не подходи, собака, зарежу!

- Ты меня застрелить обещал – не получилось. И зарезать не получится, – спокойно сказал Андрей и спешился. Не кружиться же ему на лошади вокруг дерева со стоящим за ним главарём?

В глазах главаря метнулся страх. Он понял, что пощады не будет, что наступают последние секунды его ничтожной жизни. От отчаяния он кинулся на Андрея, выставив вперёд нож. С ножом – да против сабли? Андрей не уворачивался – ударом сабли он отрубил главарю руку, держащую нож. Главарь взвыл и левой рукой схватился за обрубок правой.

- За что?

- Разве сам не знаешь? Разбойников без суда положено вешать. А ты есть гниль и падаль, от тебя смердит.

Снизу вверх Андрей рубанул главаря саблей по шее. Фонтаном ударила кровь, разбойник захрипел и упал.

Остался ещё один беглец, но искать его в лесу желания не было. Его задача – обоз охранять, а не бороться со всеми разбойниками в округе.

Андрей взял лошадь под уздцы и повёл назад по своему следу, внимательно глядя под ноги – где-то разбойник должен был обронить или выбросить пистолет.

Он нашёл его недалеко от добитого им раненого, подобрал. Пистолет не новый, ржавая сыпь по стволу сверху пошла, но её оттереть можно.

Сунув пистолет за пазуху, Андрей вышел к обозу.

Один из возничих стоял возле убитого.

- Стрела-то насквозь прошла!

- Что хотел, то и получил. Наум, там впереди тати дерево свалили. Оттащить его надо, а то не проедем.

- Уже. Догнал?

- Один ушёл. Искать не стал, моё дело – обоз.

- А я уж в тебе усомнился было, прости. В первый раз вижу, чтобы так лихо!

- Так разбойники. Выучки нет, только что вид страшный.

Андрей поднял с земли дубину.

- Такой и быку башку разбить можно, не только человеку, - покосился на дубину Наум. - Страшно!

- На то и расчёт был - на испуг. Но теперь всё уже позади.

- Ну и славно. Едем! - Купец был рад исходу, повеселел.

Через час они выбрались на проезжий шлях. Он был оживлён: впереди виднелся обоз и далеко позади - тоже. Тут должно быть спокойнее.

Вечером остановились на постоялом дворе. Купец расщедрился, угостил всех обильным ужином, да с пивом. А когда возничие ушли, повинился перед Андреем:

- Прощения у тебя прошу. Сначала я тебя за лентяя принял - это когда ты отказался помочь подводы через реку переправить. А уж когда тати появились, я и вовсе подумал - пособник ты их, в засаду привёл.

- Прощаю, - усмехнулся Андрей, - Господь прощал и нам велел. Только как же я вас в засаду привести мог, если вы дорогу выбирали сами? Я лишь за обозом ехал.

- Дурная голова, не подумал. Ты для меня человек неизвестный, тёмный, и что у тебя на душе - кто знает? Люди сейчас озверели - ни совести, ни чести. Зато теперь я в тебе уверен. Воин ты настоящий, семерых убил.

- Шестерых, один ушёл.

- Сам где-нибудь сдохнет. Стало быть, не подвели меня глаза, не ошибся я в тебе. А давай за знакомство винца?

- Если только немного.

- Эй, половой! Вина нам фряжского!

Фряжское вино - это дорого. Таким вином угощали в случае серьёзных заслуг. Дворяне не в счёт, у богатых свои причуды. А на Руси винцо пили яблочное или смородиновое. А ежели напиться желали, пили олуй, пиво крепкое, вымороженное - обычно такое делали зимой. Или перевар - вроде самогона. Пойло крепкое, с ядрёным сивушным духом и тяжёлым похмельем наутро.

Они опустошили небольшой кувшин. Купец опьянел, рвался ещё кувшин взять, но Андрей увёл его в комнату. Это сейчас он герой, а завтра болеть будет. Был бы дома, под приглядом жены - другое дело. А в пути ум трезвый нужен, и здоровье тоже - всяко случиться может.

Чем ближе они подъезжали к Москве, тем тревожнее были слухи. В трапезных при постоялых дворах купцы о «царевиче Дмитрие» толковали да о войске, которое с ним идёт. Были забыты всегдашние разговоры о ценах на товары и об опасных местах, где лютуют разбойники. Война - и для торгового гостя, и для простого люда - всегда плохо. Торговли нет, выручки - тоже. А для аборигенов война - это ещё и лишения, а то и угроза самой жизни или плена. Народ пребывал в тревоге.

Ещё в последние годы правления Бориса Годунова в Литве объявился человек, который называл себя сыном Ивана Грозного, царевичем Дмитрием. Он был образован, знал светский этикет и даже некоторые секреты московского двора. В доказательство родства с царём показывал большой нательный золотой крест искусной работы.

На самом деле это был Юрий Отрепьев, отпрыск галицкого сына боярского Богдана Отрепьева, убитого литвином в Москве, в Немецкой слободе. Юрий был ростом ниже среднего, хорошо сложен, лицо круглое, неприятное. Волосы рыжеватые, глаза голубые. Юрий ушёл в монастырь, сменил имя на Григорий, но нигде не ужился, и из Чудова монастыря сбежал в Польшу, где познакомился в Самборе с сендомирским воеводой Юрием Мнишекком.

Слухи о якобы царевиче Дмитрие дошли до ушей короля Речи Посполитой и до монахов ордена иезуитов – Отрепьев был выгоден всем. Речь Посполитая была в мире с Москвой и сама воевать не хотела. А тут – удобный случай, чужими руками можно было жар загрести. Иезуиты надеялись, что с приходом на престол московский Лжедмитрий поспособствует обращению Руси в католичество. Сам же воевода Мнишек мечтал выдать за него свою дочь Марину. Чем чёрт не шутит, вдруг станет царицей Московскою?

А Отрепьев не скупился на обещания. Королю он обещал отдать Речи Посполитой Псков и Новгород, иезуитам – всяческое содействие и открытие католических храмов, а Мнишеку – после своего воцарения выплатить миллион злотых. Все три стороны были заинтересованы поддержать Отрепьева. В Польше Мнишекком были собраны наёмники – 1600 человек, к ним присоединились 2000 козаков, и вся эта конная рать двинулась на Русь.

Состояние русской армии было плачевным. Только что войска потерпели поражение от турок на Кавказе. Стрельцам в гарнизонах городов давно не платили жалованье, они обносились и зачастую вели полуголодную жизнь. А тут приходит самозванец, обещающий всем сытую и спокойную жизнь. Как не поверить сладким посулам? А козаки и сами не прочь были пограбить, побесчинствовать.

В Новгороде-Северском стояла двадцатипятитысячная армия, когда осенью 1604 года к городу подошло войско Лжедмитрия. Правительственные войска могли их легко разбить, но воеводы медлили. А в декабре 1604 года польские гусары их атаковали и захватили знамя. В лагере возникла суматоха, князь Мстислав получил два ранения в голову и упал с лошади, благо в сумятице не затоптали. Наёмники стали требовать у самозванца денег, которых у него не оказалось, и поляки, грабя окрестности, вернулись в Польшу. Вместе с ними вернулся покровитель Лжедмитрия, Юрий Мнишек.

Однако самозванцу удалось собрать войско из козаков и местных жителей. В битве под селом Добрыничи оно было разбито, и Лжедмитрий укрылся в Польше. Все, кого схватили правительственные войска, были казнены через повешенье, как изменники.

Две недели войска безрезультатно осаждали деревянную крепость, которую обороняли всего 400 стрельцов, но взять её им не удалось, и они отступили. Дворяне, уберегая свои дружины от разложения, уводили их в поместья.

Весной 1605 года армия практически утратила боеспособность.

В это время, 13 апреля 1605 года, скончался Борис Годунов. Через три дня после его смерти Москва, Великий Новгород, Казань, Астрахань, Поморье и Сибирь присягнули сыну Бориса, шестнадцатилетнему Фёдору. Но он был внуком Малюты Скуратова, и это его погубило. В памяти народной ещё сохранилась ненависть к его деду, пролившему немало крови.

В лагере под Кромами заговорщики во главе с Петром Баскаковым, некоторыми боярами и чернью, подняли бунт, выкрикивая Дмитрия на царство. Верные государю войска ушли из лагеря и за три дня пешком добрались до Москвы. А 1 июня в Москву, сопровождаемые козачьими отрядами, вошли дворяне Гаврила Пушкин и Наум Плещеев. С Лобного места они огласили грамоту «истинного царя», обещавшего всем милость, а кто воевал против него – прощение.

Народ слушал, раскрыв от удивления рты, а к вечеру началось восстание против царя Фёдора Борисовича. Из тюрем выпустили заключённых. В городе воцарился хаос, начались грабежи, убийства, поджоги, погромы винных лавок. На Красной площади начала собираться толпа. Подстрекаемый боярами-изменниками, народ захватил Кремль. Простолюдины кинулись искать по дворцу ценности и уносили всё, что могли. Стража разбежалась. Бояре-изменники схватили царя Фёдора и его мать и заперли их в темнице.

События нарастали как снежный ком. Боярство разделилось. Одни ждали прихода самозванца, часть затаилась, выжидая, и только небольшая группка дворян пыталась организовать для отпора. Василий Шуйский из ставки изменника в Серпухове слал во все города грамоты о предстоящем восшествии самозванца на престол. Бояре устроили в честь «царевича Дмитрия» пир. А напившись, выволокли из усыпальницы царей – Архангельского собора – гроб с телом Бориса Годунова и выставили останки на поругание. «И камень в него метали, и начали ногами пхать тело его поверженное и на земле лежащее», – говорит летопись.

Прознав о том, 8 июня самозванец прислал в столицу предписание: уничтожить царскую семью – Фёдора Борисовича и его мать. Приказ сей привёз князь Василий Голицын. Он же привёл убийц к Фёдору и его матери. Фёдор сопротивлялся, как мог, но что мог сделать один подросток против нескольких вооружённых людей? Обоих – и Фёдора и его мать – удушили верёвками.

После расправы князь Голицын вышел к народу и объявил, что царская семья покончила с собой, приняв яд.

Гробы с телами убитых выставили рядом с дворцом на всеобщее обозрение, и тысячи москвичей увидели на шее убиенных следы удавок.

Дочери Бориса, Ксении, жизнь сохранили, но участь её была незавидной. В дальнейшем самозванец надругался над ней и держал при себе в царских покоях как наложницу. Потом, по настоянию Марины Мнишек, под именем Ольги она была сослана в Белозерский монастырь.

Князь Голицын, действуя по воле самозванца, лишил патриарха Иова сана и заточил его в Успенский монастырь в Старице.

На Москву надвигались грозные события, а москвичи радовались смене власти, надеясь на лучшую жизнь. Как они заблуждались! Отребье, выпущенное из тюрем, не боялось грабить, убивать и насиловать даже среди белого дня.

Под колокольный звон всех соборов московских 20 июня 1605 года Лжедмитрий торжественно вступил в Первопрестольную, сопровождаемый многими боярами и людьми знатными. Народ на улицах ликовал. Радостные крики и здравицы звучали громогласно в честь «царевича». Кремлёвскую стражу сразу разогнали, да и кого ей было охранять? Дворец разграблен, царская семья убита.

Самозванец занял престол в Тронном зале, вокруг толпились, выражая верноподданнические

чувства, бояре. А под стенами дворца и на всех въездах в Кремль стояли поляки.

На следующий же день самозванец созвал Собор, на котором принудил архиепископов избрать патриархом архиепископа Рязанского Игнатия, киприота по рождению.

К чести Церкви, тела Бориса Годунова, его жены и сына Фёдора были монахами перевезены в церковную столицу – Троице-Сергиеву лавру, где и преданы земле рядом с храмом.

После прихода к власти самозванца у бояр сразу возник вопрос: как так? Царевич ещё в детском возрасте был убит в Угличе. Дело расследовал князь Василий Иванович Шуйский, да не один, а во главе служилых людей Пыточного приказа. Злодейства выявлено не было. Царевич страдал «падучей» – так называлась тогда эпилепсия. Во время игры во дворе с мальчишками в ножички он якобы упал и нанёс себе смертельное ранение в шею. Так это было на самом деле или расследование было сфальсифицировано в угоду государю, теперь одному Богу известно. Но для Шуйского дело оборачивалось плохо. По его докладу царевич убит в детстве, а теперь, оказывается, – вот он, живой? Тем более что Лжедмитрия вроде бы признала мать, привезённая из Углича. Нагая «сына» узнала, обняла и всплакнула. Куда ей было деваться, коли бояре «посоветовали»?

Бояре обвинили Шуйского в измене. Приговор был короток – смертная казнь. Василий Иванович взошёл на эшафот, и палач разодрал на нём рубаху. Шуйский уже прощался с жизнью, как подскочил гонец, привёзший помилование от самозванца. Опоздай он на пару минут, и история сложилась бы по-иному.

Меж тем 21 июля 1605 года Лжедмитрия короновали. Боярскую Думу по западному образцу преобразовали в Сенат. Однако самозванец с боярами не считался, их мнение не учитывал.

Зато поляки вели себя в городе разнузданно. Польские гусары по поводу и без оного затевали драки, задирая москвичей, и без раздумий пускали в ход оружие. Среди черни и бояр зрело недовольство – не такого царя они хотели.

Вот в это лихое, смутное время обоз купца Наума въезжал в Москву. Для купца это был родной город, здесь он жил и торговал. Но его поход в Крым длился слишком долго, и за время его отсутствия Первопрестольная изменилась до неузнаваемости. Нет, улицы, дома, река – всё осталось на своём месте. Изменились порядки. Уже на въезде, на заставе, его остановили поляки. Солдаты Речи Посполитой занимали теперь наиболее важные, стратегические места в городе: в Кремле, вокруг него и на всех въездах в город. Они досматривали выборочно и обирали беззастенчиво. Вот и сейчас обоз Наума остановили. Двое солдат с презрительной ухмылкой на лице завернули рогожи, укрывающие груз, молча забрали по тюку дорогой ткани и махнули рукой – проезжай.

Купец возмутился:

– Да что же это делается? Грабёж среди бела дня! Я ведь не иноземец, чтобы пошлину платить. Тоже мне, мытари нашлись!

Андрей делал купцу знаки, чтобы тот замолчал и, пытаясь как можно скорее покинуть место конфликта, сказал ездovому на первой подводе:

– Трогай от греха подальше.

Обоз тронулся, но возмущение купца не осталось незамеченным. Один из поляков подошёл к Науму и ударил его в ухо. От удара и неожиданности купец упал, а солдат принялся

остервенело пинать его ногами. Остальные наёмники смотрели за происходящим с интересом, подбадривая товарища криками.

Слегка устав, поляк плюнул на униженного и избитого купца.

- Проваливай, пся крев!

Наум с трудом поднялся, поднял сбитую шапку и поплёлся за миновавшим уже заставу обозом. Такого прилюдного унижения и наглого отъёма товара он раньше не испытывал.

- Наум, поляки хуже смердящих псов! Зачем ты с ними связался? - спросил Андрей.

- В каком Уложении сказано, что можно купца бить и товар у него отнимать? Я на своей земле, это они пришлые. Я мытарям плачу, законы соблюдаю.

- Скажи спасибо, что вообще живым ушёл. Запросто могли порубить или вовсе товар весь, без остатка забрать.

- Без вины?

- Ох, Наум! Они чужаки, и мы для них - никто, мусор, пыль на сапогах. И привёл их сюда изменник, которому Русь не дорога.

- А ты откуда знаешь? Ты ведь тоже в городе давно не был - как и я.

Один глаз купца заплыл от удара, кафтан был в пыли.

- Видение мне ночью было, Богородица во сне явилась. Не настоящий это царевич Дмитрий. И править, а вернее сказать - терзать страну он будет одиннадцать месяцев.

- Вещий ли сон?

- Да откуда мне знать? Поживём - увидим. А ты впредь осторожнее будь, ежели головы лишиться не хочешь.

- Вот времена настали! В своём городе купца унижают!

Купец едва не заплакал от обиды и унижения. Андрей и сам был возмущён наглым поведением поляков - хозяйничают, как в захваченной стране. Впрочем, поляки всегда и везде отличались заносчивым поведением, гордыней немереной по поводу и без, а также скандалами и драками. Он бы кинулся купцу на помощь, но поляков на заставе два десятка, и одному ему было бы не справиться, только погиб бы не за понюшку табаку. А они, видно, только того и ждали. Но выдержки Андрею было не занимать. Спесивы поляки, да недолго им остаётся выкобениваться. Во время бунта, когда Лжедмитрия убьют, озлобленное население сразу возьмётся за поляков. Из города живыми вырвутся единицы, остальных забьют. Правда, наёмники дорого будут отдавать свои жизни. На четыреста убитых поляков придётся три сотни погибших москвичей и семь сотен раненых.

Андрей довёл обоз до дома купца на Неглинной. Почти центр.

Наум постучал в ворота, предвкушая радостную встречу, но из калитки на шею ему кинулась зарёванная, опухшая от слёз жена.

- Ну чего ревёшь, дура-баба? - растерянно проговорил он, пытаясь разжать кольцо её рук. - Вот

он я, живой, и товар доставил.

Купец, да и ездвые тоже решили, что супруга купца на радостях плачет, времена беспокойные. Однако она, хлюпая носом, сразу стала жаловаться:

- Наумушка, голыми и нищими мы остались!

- Как так? - оторопел купец.

- Сначала поляки дом ограбили, все деньги и украшения мои забрали. Хорошо хоть, дочери дома не было, а то ссильничали бы, как у соседей. Через два дня наши тати пришли, всю одежду из сундуков забрали. Это что же такое делается?

Купец от негодования побагровел. Не такой он представлял встречу с женой, не такой. Сам побит, дом ограблен, и жаловаться некому. Поляков сам «царевич Дмитрий» привёл, а он грабитель ещё худший, чем поляки. Страну на части решил порвать и земли полякам да шведам отдать в благодарность за своё воцарение. Земли, которые десятки и сотни лет до него государи русские воедино собирали.

Подводы загнали во двор и стали разгружать товар в амбар.

- Наум, не моё дело, конечно, но совет тебе дать хочу. Не вези товар в лавку, разграбят. Всё потеряешь.

- Сам такожды думаю, - отозвался купец.

Когда товар общими усилиями разгрузили, Наум вытер вспотевший лоб, потом полез в калиту, отсчитал и протянул Андрею деньги.

- Вот что, Андрей. Как я помню, ты говорил, что вроде бы у тебя в Москве нет никого?

- Твоя правда, нет.

- Предлагаю тебе у меня пожить. Место есть, комнату выделю. Платить не буду - за харч и крышу.

- Понял. За охрану?

- Вроде того. А то ведь тати ещё наведаться могут. И если они товар, из Крыма привезённый, унесут, на что тогда жить?

- Темнишь, купец. Небось на чёрный день кубышка со златом-серебром зарыта.

Даже заплывший от удара глаз купца на мгновение приоткрылся.

- Что ты, молчи! Не дай бог, проведают!

- Во мне ты можешь быть уверен, никому не скажу. А предложение твоё принимаю. Мне и в самом деле жить негде, разве только на постоялом дворе.

- Зачем на постоялом? Мы к тебе со всем уважением. Конюшня на заднем дворе. Лошадку-то свою заведи да расседлай, чего ей на виду у всей улицы стоять? Завистников и раньше много было, а сейчас, мыслю, поболее стало.

В доме уже суетились домочадцы, из печной трубы всюду валил дым. Возничие после разгрузки разъехались по своим домам, и двор сразу опустел.

- Идём, представлю тебя своим домочадцам.

Купец познакомил Андрея с женой, двумя дочерьми-подростками и сыном лет семи. По меркам того времени, семья была небольшой. Комнату ему Наум показал - совсем небольшую, угловую, выходящую окном во двор. Не хоромы, конечно, но зачем ему одному большая? И этой вполне хватит. Кровать деревянная, сундук, скамья, на полу - домотканый половик.

- Располагайся. Сильно устал?

- Не особо.

- Тогда пойдём, баньку затопим. Помыться хочу, аж тело зудит и чешется.

Помыться Андрею и самому хотелось. Дороги пыльные, одежда пропылилась, волосы едва ли не в колтун сбились.

Наум показал баню. Вдвоём они натаскали дров и разожгли печь-каменку. Потом купец ушёл в дом, а Андрей деревянной бадьёй воду из колодца носить стал. В бане надо было наполнить два чана: один для холодной воды и другой - для горячей. И оба огромные, литров на двести-триста. Пока работу закончил, упрел. Рубаха потом провоняла, а сменной нет. Ничего, завтра он на торг ходит и себе новую, сменную купит. Правда, после бани свежую надеть не помешало бы, да где ж её взять?

Часа два топил баню Андрей. Наконец помещение согрелось, вода в котле сделалась горячей, и он позвал купца. Тот пришёл с сынишкой. Топить баню - дело тяжёлое, одной воды сколько натаскать надо, поэтому возможность помыться не упускали.

Купец принёс чистое нательное и рубашку Андрею.

- Переоденься. Мы оба с дороги, смердим, аки псы.

Вот за эту заботу Андрей был Науму искренне благодарен.

Вымывшись, они попарились не спеша, а после них мыться пошли жена и дочери. К тому времени и обед на кухне поспел.

Глава 2. Василий Шуйский

После бани да сытного продолжительного обеда с вином Андрей разомлел. Да и у купца веки смыкались. Они разошлись по спальням. Едва раздевшись, Андрей рухнул в кровать и уснул беспробудным сном.

Утром после завтрака Наум ушёл в город - поговорить с купцами, что и как творится в столице. Андрей же стал раздумывать, чем ему заняться. Сидеть дома у купца безвылазно он не собирался. Насколько он помнил из истории, Василий Шуйский, обиженный Лжедмитрием и едва избежавший плахи, затаил на самозванца злобу, решил учинить заговор и бунт. Многие бояре, сначала с радостью встретившие «царевича», разочаровались в нём. А простой народ и вовсе был обижен бесцеремонными поляками. Если при Годунове можно было подать жалобу или челобитную, то теперь старые порядки были порушены. Среди черни зрело глухое до поры до времени недовольство.

Шуйский, человек роста невысокого и лицом некрасивый, но умом не обиженный, настроения эти чутко уловил. Действовать он решил осторожно, тайно – уж слишком свежи были воспоминания о плахе, когда палач уже примеривался топором к его шее.

Обдумав всё, Андрей решил найти Шуйского. Его армейский опыт мог помочь. Он не ставил перед собой цели возвести потом на престол Василия. Первейшая задача – уничтожить самозванца, не допустить развала государства и изгнать чужеземцев, сохранив на Руси православие. Помогая на данном этапе князю, он будет помогать своей многострадальной родине.

Саблю Андрей оставил в спальне, нож сунул в рукав. С пистолетом куда удобнее, но пороха и пуль нет, да и сам пистолет в порядок приводить надо.

Он вышел в город. Был он в столице, но современной. А эту узнавал с трудом. Много каменных домов, кое-какие улицы замощены дубовыми плашками. Только народ пугливым стал, редкие прохожие жались к стенам домов. Запугали москвичей поляки да грабители и убийцы всех мастей. Во времена ненастные всякая пена, всё отребье выплывало наверх, желая урвать свой кусок.

Вот только где этот Шуйский живёт? Узнать у прохожих можно, не так много в Москве князей. Сложнее другое – как сблизиться с князем, как в доверие к нему войти? Явится он к князю, так прислуга его даже во двор не впустит. А без князя – никак, он глава заговора, к нему все ниточки тянутся. Андрей смог бы помочь ему, да и князь тоже не лыком шит, ещё тот придворный интриган.

Однако чтобы свергнуть власть, особые навыки нужны. Ведь глава заговора Шуйский, но в заговор входят люди не менее, если не более именитые. Андрей даже остановился: ох, дай бог памяти, как же их фамилии? Но сколько он ни силился вспомнить, фамилии только двух князей и припомнил: Василия Васильевича Голицына и Ивана Семёновича Куракина. Можно попытаться наладить какие-то знакомства с ними. После несостоявшейся казни Шуйский очень осторожен, пуглив даже, и незнакомца к себе не подпустит.

Впереди послышался стук копыт. Посередине мостовой, навстречу Андрею верхом на коне летел поляк в униформе. Зазевавшегося прохожего он хлестнул плетью так, что тот упал. Через плечо поляка на ремне висела кожаная сумка – в таких гонцы возили депеши.

Решение созрело сразу, спонтанно. Андрей отступил в сторону, давая всаднику дорогу, и вытряхнул из рукава в кисть руки нож. Эхе-хе, давненько он ножи не метал! Ежели промахнётся, поляк его срубит. Эх, была не была!

Когда до лошади осталась пара метров, он сделал резкий бросок. Нож сверкнул молнией, но лошадь пронеслась мимо. Неужели промахнулся? Андрей обернулся.

Тело поляка начало сползать набок, и он выпал из седла, а лошадь, проскакав с десятков метров, встала.

Андрей подбежал к упавшему. Улица – как вымерла. Но наверняка кто-то смотрит в окно. Правда, самого броска они не видели, это точно.

Нож угодил в шею, куда и целил Андрей. Поляк был мёртв.

Андрей сорвал с него сумку, перекинул себе через плечо и уже собрался уходить, как увидел за поясом пистолет, а рядом – берендейку с пулями и запасом пороха. Он не удержался, забрал

пистолет и засунул его за пояс, прикрыв рубахой, и не спеша, чтобы не привлекать к себе внимания, удалился за угол. Берендейку тоже не забыл. Со стороны, если кто-то и наблюдал за ним, он был похож на грабителя, воспользовавшегося подвернувшимся случаем. А и пусть, лучше выглядеть грабителем, чем заговорщиком.

Андрей отошёл ещё на квартал и протиснулся в щель между усадьбами – были такие проходы, сокращавшие проходимый путь между улицами. Не для удобства горожан такие проходы делались, а для того, чтобы от пожаров уберечься, огню дорогу преградить.

Руками, трясущимися от нетерпения, он открыл сумку. Ага, не зря поляка прибил, послание здесь есть, в трубочку свёрнутое.

Андрей развернул бумагу и пробежал текст глазами. Написано по-польски, да для него это не проблема. После необычного перемещения во времени он стал свободно понимать языки. Воистину, чудны дела твои, Господи!

Какой-то пан Ясеницкий отдаёт приказ на заставу у Рогожских ворот досматривать всех входящих и выходящих из города, а письма изымать и отправлять ему, пану, для прочтения. Занятно! Поляки решили контролировать переписку. Сговора боятся, и правильно делают.

Только заговор, пока ещё толком не организованный, уже образовался. Мало пока в нём народу задействовано, и планы не определены, но благая цель есть – устранение самозванца. И дворяне в том участвуют не столько из-за радения о судьбе государства, сколько опасаясь за свои жизни и семьи. Да и постов, занимаемых ими при Годунове, при самозванце они лишились. Но, действуя в личных интересах, они поступали на благо страны. Андрею на данном этапе было с ними по пути.

Он спросил прохожего, как найти дом князя Куракина, но тот боязливо втянул голову в плечи и, не ответив, прошмыгнул мимо. И второй не знал, и третий... Андрей сделал вывод, что дом князя не в этом районе Москвы.

Обогнув по узким и кривым улочкам и переулкам центр, где можно было нарваться на поляков, он начал снова спрашивать прохожих. Ему повезло: один из прохожих, явно служилого вида, объяснил. Ну наконец-то! Полдня уже пропало в бесцельных поисках.

Дом оказался большим двухэтажным дворцом.

Когда на стук в ворота калитку отворил слуга, Андрей заявил, что имеет важное послание для князя. Плутувал, конечно, но без этого не пробиться. Пока шёл сюда, раздумывал – кем представиться? С простолюдином князь может и не снизойти до разговора, в лучшем случае примет приказ. Да и к себе не приблизит, в центр заговора не попадёшь. И он решился, поскольку лицо у него чужое, представиться сыном боярским Григорием Валуевым. Откуда вдруг на языке появились эти имя и фамилия, он и сам не понял, скорее всего – откуда-то из прочитанных книг или кинофильмов. Хранились где-то в дальнем уголке памяти и теперь вот всплыли.

Слуга вновь открыл калитку:

– Заходи, – и осторожно осмотрел улицу. Видно, не раз уже приходили в дом тайные визитёры.

Когда они уже подошли к дому, слуга спросил:

- Как тебя представить?
- Сын боярский из Воронежа. Имя князю назову.
- Так и доложу.

Слуга довольно быстро явился:

- Следуй за мной.

Он провёл Андрея по коридору, постучал в одну из дубовых дверей и, дождавшись ответа, распахнул дверь:

- Заходи.

За столом сидел средних лет мужчина в зелёном кафтане довольно приятной внешности.

- Сын боярский Григорий Валуев из Воронежа. В мои руки попал прелюбопытный приказ польского командира заставе. Изволь взглянуть, князь.

Андрей расстегнул сумку гонца, вытащил бумагу и протянул её князю. Тот бумагу взял, но не развернул, а принялся пристально разглядывать Андрея.

- Что-то мне лицо твоё незнакомо. Мы раньше встречались?
- Никогда. Брат мой служил под твоим началом, князь, Семёном его звали.

Князь наморщил лоб, вспоминая, но сделать ему это не удалось, и он развернул бумагу.

- Так здесь по-польски?
- Позволишь прочитать?
- А ты по-шляхетски разумеешь?
- И ещё на двенадцати языках, - соврал Андрей.
- Да? Хм, читай.

Андрей перевёл приказ.

- Правильно ли счёл, без ошибок?
- Как можно, князь?
- А почему ко мне пришёл? Почему решил, что бумага сия мне любопытна будет?

Андрей сделал шаг вперёд, слегка наклонился:

- Потому что «царевич Дмитрий» - самозванец. И каждый дворянин должен жизнь на алтарь отечества положить, а самозванца свергнуть. На троне должен быть человек благородных кровей, а не этот...
- Складно говоришь. А сумку где взял?

- Гонца польского убил. Сумку забрал и пистолет, - Андрей задрал подол рубахи и показал оружие.

Видно было, что князь растерян, что он раздумывает. Конечно, является незнакомый человек, показывает бумагу, речи говорит. А вдруг он подослан и бумага подмётная? Поверишь такому и быстрехонько на плаху угодишь. Но и выгнать взащей жалко, человек-то языки многие знает, полезен может оказаться.

Андрей надел на голову колпак, делая вид, что намерен уйти.

- Погоди, - остановил его князь, - где и когда ты гонца убил?

- Не больше часа тому, на Житной.

- Зайди завтра ко мне, Григорий.

Андрей отвесил лёгкий поклон и ушёл.

Князь задал вопрос правильный, осторожничает он. Раз сказал зайти завтра, стало быть - будут проверять.

Андрей зашёл за угол и остановился.

Буквально через четверть часа из ворот дома Куракина вышел человек. По одежде - слуга-холоп, но уж очень мягко и легко он двигался, его движения были движениями человека явно тренированного. Быстрым шагом он направился по улице. Единственной его ошибкой было то, что он не перепроверялся. Не оборачивался, не изменял внезапно маршрут. «Тоже мне, конспиратор хренов!» - усмехнулся про себя Андрей. Холоп, а скорее всего - кто-то из воинов князя, быстро вышел на Житную. Убитый гонец до сих пор лежал там, и над телом вились мухи. Сообщить полякам никто не удосужился. Если и найдут пропавшего гонца, то случайно.

Прохожие останавливались, рассматривали убитого и спокойно шли дальше.

Холоп тоже остановился, обошёл труп, явно пытаясь определить причину смерти. Увидев рукоять ножа, торчавшего в шее, удовлетворённо кивнул и направился назад, к дому князя.

Теперь уже Андрею пришлось почти бежать до первого переуллка и торопливо свернуть, чтобы холоп не столкнулся с ним нос к носу - вдруг случайно видел его в доме князя?

Андрей явился в дом купца. Наум уже был там, ходил хмурый.

- Что, купец, плохо с торговлей?

- Плохо, - огорчённо кивнул тот. - Покупают в основном съестное. Цены взлетели. Лавки большей частью закрыты, а многие и разграблены. Что делается! - Наум огорчённо покачал головой. - Надо было мне обоз во Владимир вести или в Ярославль, там лихое время пересидеть. Но кто же знал, что так будет? Я вон назад по Житной возвращался - так там поляк убитый лежит. Люди говорят - с утра ещё. Виданное ли дело?

Андрей прошёл в свою комнату, вытащил из-под рубахи пистолет и припасы к нему. Пистолет был в хорошем состоянии, заряжен - убитый поляк следил за оружием.

Андрей обтёр руки и вышел из комнаты.

- Наум, у тебя хороший нож найдётся?
- А как же! И не один. Нужен?
- Нужен.
- Пойдём.

Наум хранил оружие в амбаре, в отдельной небольшой комнате. Ножи были у всех свободных граждан, носить их не имели права только рабы. А купцы, ходившие с обозами, вооружали своих обозников и оружие хранили у себя. Вот и у Наума на стене висела пара сабель, боевой топор, а в углу стояли две рогатины. На столе лежали ножи. Два боевых, в локоть длиной – прямо боярских, остальные покороче – в самый раз для Андрея.

- Вот этот дашь? – Андрей выбрал нож.
- Коли нравится – бери. Полагаю – для дела?
- Сам говоришь – убитый на улице. Для обороны нужен.

Уже запирая дверь на замок, Наум поинтересовался:

- Ты куда ходил-то?
- В город, знакомых искать.
- Нашёл?
- Пообещали завтра свести. Вроде бы кто-то из наших переяславских здесь.
- Ну-ну.

Они пообедали и после, по традиции, прилегли отдохнуть. Время до вечера тянулось медленно, и до ужина Андрей успел осмотреть, почистить, смазать, в общем – привести в рабочее состояние пистолет, отобранный у разбойника. Пистолет был потёрт, изношен, но ещё работоспособен. Андрей и его зарядил из припасов поляка. Про себя он отметил, что порох польской выделки хороший, зёрна однородные, пальцы пылью пороховой не пачкает.

Стемнело, семья купца улеглась спать. Наум проверил калитку и сам закрыл на окнах ставни.

Андрей заснул быстро, а проснулся около полуночи от тихого разговора во дворе. Потом что-то стукнуло. Неужели Науму ночью дело нашлось? Или он кубышку с деньгами решил на заднем дворе закопать, чтобы соседи случайно днём не увидели? Да нет, слышны два мужских голоса.

Что-то неладно во дворе.

Андрей поднялся, быстро – как по тревоге – оделся и подошёл к двери спальни Наума. И купец и супружница его храпели на разные лады. У Наума храп могучий, у супруги его, Марфы, – потоньше, с переливами.

Андрей постучал. Нет, спят безмятежным сном. Он потянул ручку, открыл дверь и толкнул Наума.

- А? Что? – Купец не мог спросонья понять, кто и зачем его беспокоит.

- Поднимайся, Наум, только тихо, света не зажигай. Чужие во дворе.
- Ой, беда! – сразу запричитал купец.
- Тихо, говорю! Одевайся.

Купец натянул порты и рубаху, сунул босые ноги в сапоги.

- Идём. Тихо открываешь замок на двери, а дальше – моё дело.
- Не ходил бы ты, Андрей. Прибьют ведь.
- А товара тебе не жалко? В амбар, похоже, лезут.
- Сколько их?
- Слышал два голоса, а там – кто его знает.

Товар купцу было, конечно, жалко – сколько денег в него вложено! Да и привезти трудов немалых стоило.

Стараясь не стучать каблуками, они прошли к входной двери.

- Я готов, отпирай. Как выскочу – запри сразу, не ровён час. Как управлюсь, три раза в дверь стукну, голос подам. Тогда отворяй.
- Страшно мне, – прошептал купец.
- Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Давай!

Андрей держал в руке нож обратным хватом. Глаза адаптировались к темени.

Купец отодвинул деревянный замок из дуба. Андрей толкнул дверь и спрыгнул с крыльца.

У двери амбара возились две тёмные тени.

В несколько прыжков Андрей настиг татей. Одного тут же ударил ножом в ближний, левый бок.

Нападения грабители не ожидали. Даже если тати бесчинствовали днём, мало кто решался на отпор – ведь грабители не во все дома заходили. Скорее всего, они знали, что из мужчин дома один купец, а товар – в амбаре. Вот и решили влёгкую обогатиться. Только Андрея они не учли.

Первого татя он свалил быстро, потому как напал неожиданно, со спины и почти бесшумно. Зато второй оказался поопытней, сразу в сторону отпрыгнул и из-за голенища сапога кривоватый засапожный нож выхватил.

- Убью, гад!

Андрей оценивал противника: мужик здоровый и явно рассчитывал на силу. А вот умения не было, ноги для устойчивости не расставил.

Андрей сделал несколько обманных выпадов, потом мгновенно перебрал нож в левую руку и носком сапога ударил татя по голени ноги. Сильно ударил; такие удары очень болезненны и

выводят из себя даже опытных противников.

Грабитель вскрикнул и сделал шаг назад.

- Это тебе за гада! Сейчас на куски резать буду! - угрожающе предупредил Андрей. Он знал, что надо давить на нервы, сломать психологически.

Тать после удара по ноге держался осторожнее.

Андрей ещё раз перебросил нож - теперь уже в правую руку - и мгновенно сделал выпад. Грабитель и сам попытался ударить ножом, но его удар пришёлся в воздух, а клинок Андрея распорол ему рукав рубашки и кожу на руке. Это хорошо: боль и кровь испугают, помогут Андрею вывести татя из равновесия, заставят совершить ошибки.

Тать, хоть и здоров сложением был, привык пугать своим видом, но духом был слаб. Получив лёгкое ранение, он думал уже не о нападении, а о том, как бы живым уйти. Он уже понял своим нутром, что противник сильнее, опытнее его. Грабитель завертел головой по сторонам, выискивая пути к отступлению. Но было темно, двор незнакомый - поди угадай сразу.

Андрей громко и резко выдохнул:

- У!

От испуга противник отступил назад, и Андрей ударил его ножом в правое бедро. Удар получился колющим, глубоким, и даже при свете луны было видно, как потемнела от крови штанина.

- Что, урод, страшно? Это только начало!

Андрей уже понял, что исход схватки предрешён. Противник, получив два ранения, был сломлен. Теперь его только добить надо.

Но татю хотелось жить. Он повернулся и неожиданно резво для своей комплекции побежал к соседскому забору. Ну да, перепрыгнуть хочет.

Андрей со всей силы бросил в него нож.

Клинок угодил ниже правой лопатки, скорее всего - в лёгкое и почку. Тать взвыл, схватился рукой за спину и упал.

Андрей подошёл к нему и вытащил из спины нож.

- Зачем полез?

- Купец товар в амбар сгрузил, - с трудом, выталкивая изо рта кровавые пузыри, проговорил грабитель.

- На то он и купец. А кто тебе сказал?

Раненый молчал.

- Будешь молчать - остругаю как чурку. Поверь, будет больно.

- Ванька-хромой сказал.

- Что за Ванька? Где живёт?

- Да на этой же улице. Он видел, как купец с обозом вернулся.

Увлёкшись допросом, Андрей переоценил себя, расслабился. Тать, заметив это, из положения лёжа ударил его ножом. Дотянулся до ноги. Голень обожгло болью.

Андрей прыгнул татю коленями на спину, пригвоздив его к земле, и ударил ножом под левую лопатку. Грабитель дёрнулся и затих навсегда.

Вытирая нож об одежду убитого, Андрей ругал себя последними словами. Навык утратил, расслабился, вот и получил! Руки татя не контролировал, а он нож держал - вот и поплатился!

Подойдя к входной двери дома, Андрей стукнул три раза.

- Наум, это я, открывай!

Дверь открылась сразу: купец не отходил от неё никуда, гадая - чем кончится дело.

- Живой?

- Нogu ножом зацепили, перевяжи.

- Ай-яй-яй, беда какая! Идём в комнату.

Андрей уселся на табурет и стянул правый сапог. Рана была чуть выше голенища и неглубокая - лезвие вскользь прошло.

Купец зажёл свечи в подсвечнике, принёс чистые тряпицы, перевязал.

- Только штаны испортил, скотина эдакая!

- Я тебе новые подарю. Ну, что там?

- Два трупа. Избавиться надо.

- Я боюсь.

- Пойдём во двор. Лопата есть?

- Есть.

- Выроем яму на заднем дворе, закопаем - и все дела.

- Не погост ведь у меня.

- Ну тогда тащи их на улицу и брось подальше от дома.

Купец засопел - оба предложения ему не нравились. Потом поднялся:

- Идём копать.

- Сразу бы так...

Вдвоём они быстро выкопали яму в мягкой земле, сбросили туда тела и засыпали.

- Наум, ты с утра выйди, погляди - нет ли где крови? Если обнаружишь - замети, присыпь, затри. Надо, чтобы следов не было.

- Сделаю.

- И ещё: ты Ваньку-хромого знаешь?

- С нашей улицы? Кто ж его не знает? Прощельга!

- Он татей на тебя навёл.

- Откуда знаешь?

- Раненый бугай перед смертью сказал.

- Вот же гад такой! А ещё сосед!

- Наводчик он, удавить бы его втихую.

- Не, я не смогу. Как это - удавить? Я не кат.

- Тогда в скором времени ещё гостей жди.

Купец задумался:

- Почему?

- Пока ты товар не распродал, он как приманка. Как амбар пустой будет - какой резон к тебе лезть?

- А и верно...

Купец минуту помолчал, размышляя:

- Андрей, может, ты сам?

- Чего «сам»?

- Ну, Ваньку-хромого...

- Я твоё добро сберёг, ранение получил. А насчёт Ваньки-хромого уговора не было. Найми лихих людишек, за деньги желающие найдутся.

- А может, ты сам, Андрей? Я денег заплачу...

- Сначала пусть рана заживёт, а потом можно и подумать.

- Ну и лады. Идём в дом.

От ночи оставалось всего два часа. Андрей улёгся в постель - ему хотелось выспаться. Однако утром рана на ноге стала болеть, пульсировать. Когда Андрей снял повязку, то увидел, что края покраснели - начиналось воспаление. Он подозвал купца и показал рану:

- Лекарь нужен, снадобья лечебные.

- М-да, придётся звать. Не приведи господь, огневица приключится или антонов огонь.

Купец озаботился: после короткого завтрака он отправился в город и вернулся с лекарем. Тот осмотрел рану, присыпал сушёным мхом и оставил мазь в маленьком глиняном горшочке.

- Будешь утром и вечером мазать. Повязку обязательно дважды меняй, если на третий день лучше не станет, снова меня приглашайте.

Ну и подарочек преподнес тать, чтоб ему пусто на том свете было! Рана воспалилась потому, что нож грязный был. Что уж он им делал - останется тайной.

Пришлось Андрею планы на день менять. Думал к князю Куракину пойти, но лекарь советовал ногу побережь, не ходить, полежать в постели. Странно, ведь раньше раны у него заживали быстро.

Андрей понюхал мазь - пахло травами. А ведь могло пахнуть сушёными тараканами или жабами, а то и ещё чем похуже.

День он отлёживался, выходя только на обед да ужин. Купец явно рассказал супружнице о ночном происшествии. Для неё это было сюрпризом: ведь попытку их ограбить она проспала, и теперь в её глазах Андрей выглядел едва ли не героем. Рана же была зримым проявлением геройства. О трупах, закопанных на заднем дворе, купец благоразумно промолчал.

Ночью Андрея слегка познабливало, и он беспокоиться стал - поможет ли мазь? Но утром проснулся здоровым, нигде ничего не болело.

Торопясь удовлетворить своё любопытство, он снял повязку: на месте загноившейся раны был лишь едва заметный розовый рубчик. То ли мазь была такой эффективной, то ли какое-то свойство его организма.

К завтраку он вышел, не прихрамывая, как вчера. Успокоил Марфу, что рана подживает и он чувствует себя хорошо. Обрадованный Наум ушёл по делам, а через четверть часа дом купца покинул Андрей.

Чем ближе он подходил к дому князя, тем сильнее волновался. Странно устроен человек. Позавчера заявился без всякого страха и волнения, а сегодня мандраж бьёт.

Слуга узнал Андрея, пустил его во двор.

- Сей момент князю доложу.

Довольно быстро Андрея провели к князю. На этот раз он был настроен более благодушно.

- Ну, что же, э...

- Григорий, - подсказал Андрей.

- Да, Григорий... События на самом деле произошли, и поляк убитый там был. А скажи-ка, любезный, от чего он умер?

Андрей понял, что и оговорка насчёт имени была проверкой - вдруг забыл, если имя не настоящее? Так же, как и вопрос по убийству.

- Ножом в шею - я бросал. У ножа простая деревянная рукоятка.

Князь удовлетворённо кивнул:

- Верно. А что же ты вчера не пришёл?

- Приболел. Простыл, наверное, после бани.

- Бывает.

О ране, столь быстро затянувшейся, Андрей говорить не стал - ни к чему.

Князь явно раздумывал, в какой мере можно доверять Андрею. Цена вопроса высока: заговор, судьба «царевича», в конце концов - жизни заговорщиков. За деньги, за другие блага всегда найдутся желающие предать и продать. И плевать им на судьбу несчастного отечества, им лишь бы брюхо да калиту набить.

Наконец, решившись, князь достал из ящика стола лист бумаги и протянул Андрею:

- Садись и переведи.

Андрей уселся на стул, судя по ножкам и спинке - явно итальянской работы, и стал читать текст на польском. Переводил он с ходу. Как понял по смыслу Андрей, это было письмо или его копия, как говорили тогда - список переписки Лжедмитрия с Юрием Мнишеком. Сендомирский воевода упрекал самозванца в том, что тот не выполняет взятых на себя обязательств.

Князь слушал, прикрыв глаза. Судя по тому, что отреагировал на услышанное несколько апатично, текст этот он слышал раньше - кто-то ему уже его переводил. Просто он устроил Андрею очередную проверку.

- Верно перевёл, - подтвердил его догадку князь. - И что ты обо всём этом думаешь?

Князь покрутил ладонью. О чём конкретно он хотел услышать, Андрей не понял. Вчера, лёжа в постели, он продумывал, как лучше устранить самозванца. Понятно - убить. Заговорщики мыслят так же. Но этого мало. Польше и королю Сигизмунду нужен свой, ручной правитель Руси. А Дмитрием он будет называться или как-то по-иному - не суть важно. Нужно выбить у самозванца почву из-под ног, лишить его опоры в Речи Посполитой, и прежде всего - доверия короля. Игра тонкая, но стоит свеч.

- Убить самозванца надумали? - неожиданно для князя спросил Андрей.

Князь делано удивился. Но удивление было уж очень фальшивым, наигранным - как у плохого актёра.

- Нет, как можно? Царя - и убить.

- Простое убийство без подготовки ничего не даст. Поляки вместо убитого пришлют второго самозванца, третьего... Надо вбить клин между королём и Лжедмитрием. Без польской поддержки Дмитрий никто, просто беглый монах Гришка Отрепьев.

- Ты и это знаешь? - на сей раз всерьёз удивился князь. Теперь он слушал Андрея внимательно - уж больно занятные вещи тот говорил. Доселе не совсем чёткие мысли и планы заговорщиков неожиданно обличились в слова Андрея, обрели смысл и целенаправленность.

- И как это сделать?
- Наверняка у вас в Польше есть друзья. Даже не так, пусть не друзья, а люди, паны и воеводы, которые не хотят усиления короля. И ещё. Ведь если он присоединит русские земли, то будет представлять угрозу для Швеции. - Князь даже моргать перестал.
- Надо не пожалеть денег и послать доверенных людей в Польшу. Кто враг короля - тот наш друг. Распустить слух, что самозванец, взойдя на русский престол, хочет жениться на Марине Мнишек и захватить польский престол, а короля Сигизмунда убить. Как ты думаешь, князь, короля такие сведения обрадуют?
- Не поверит.
- Когда один вельможа ему на ушко скажет об этих слухах, не поверит. А когда второй, третий... Да если ещё письмо подмётное показать, поверит. По крайней мере, поддерживать Дмитрия деньгами и людьми он не будет, это точно. А деньги решают все.
- Замысловато и сложно.
- А просто только в носу ковырять.
- Для того чтобы короля с трона подвинуть, деньги потребны, и большие.
- Самозванец в Москве на троне. Кто знает, сколько денег в казне?
- Небось поляки уже доложили.
- Большая часть казны не в Кремле, и ты это хорошо знаешь, а в...
- Т-с-с! Молчи! - Князь даже привстал в кресле. - И у стен бывают уши. А где казна - государева тайна.
- Ой, князь, бояре да дьяки самозванцу небось уже доложили.
- Интересно ты баешь! Ты и в самом деле боярский сын?
- Да, княже!
- А говоришь, как опытный дьяк из Посольского приказа. Своими ли словами?
- Всё ещё подозреваешь меня? Князь, я так же, как и ты, хочу смерти самозванца. Хочу, чтобы поляки ушли и место на троне занял истинный царь.
- Хм... Ну, хорошо. Допустим, я тебе поверил. А как узнать, как отреагирует на слухи король?
- По действиям его.
- Мне подумать надо. Сложно, долго, затратно, но ход неожиданный. Я бы даже сказал - сильный. Признаюсь честно, о таком не думал. Я воин, человек простой. Срубить башку саблей - и все дела. Ладно, ступай.

Андрей откланялся. Крючок с наживкой он забросил, теперь надо ждать результата. Он взялся за ручку двери, обернулся:

- Славно было бы письмецо царевичу доставить.

- Уже - ты видел список. Завтра в полдень жду.

Домой Андрей вернулся в хорошем настроении. Похоже, князь ему поверил и слежку за ним не пустил. Андрей проверялся по дороге, но ничего такого подозрительного не обнаружил.

Но на следующий день в полдень его ждал сюрприз.

В комнате князя сидели трое, явно дворяне. В одном Андрей угадал Шуйского, как его описывали люди: ростом мал, лицом некрасив. По текстам сохранившихся летописей Андрей знал, что князь хитёр, изворотлив, умён, храбр, но вот стратегического мышления лишён и государством руководить не способен.

Но кто второй незнакомец? Оба не представились Андрею, для них он - мелкая сошка. Однако высказывания его, переданные Куракиным, заинтересовали их.

- Ну-ка, умник, повтори, да поподробнее свои мысли.

Андрей ещё раз, медленно, с деталями, объяснил свой план: запущенные в народ слухи обладают страшной силой, поскольку передаются с искажениями, обрастают правдоподобными деталями. В отсутствие прессы и телевидения слухи, овладевшие сознанием народа, могли сыграть решающую роль.

Насчёт того, как поспорить короля Сигизмунда с самозванцем, он высказался.

- Всё? - спросил незнакомец.

Шуйский и Куракин молчали.

- Нет. Но это то, что надо совершить в Речи Посполитой. Ещё здесь, в Москве, слухи распустить надо.

- О том, что Дмитрий - порождение дьявола и пахнет серой? - снова спросил незнакомец.

Андрей предположил, что это - Василий Васильевич Голицын.

- Нет, тоньше действовать надо. А чтобы от себя подозрения отвести, пусть юродивые вещают.

- Так они, юродивые, других не слушают, как их заставишь?

- Своих одеть, на худой конец - лицедеёв нанять, деньги им заплатить. Пусть вещают с папертей, что Дмитрий - гонитель веры христианской и хочет насадить на Руси католичество. Пусть и в народе волнения будут. Почву к севу по осени готовят.

- Не поверят.

- Когда самозванец на Марине Мнишек женится, поверят. Она истовая католичка и по православному обряду венчаться не захочет. Вот тут-то слова юродивых и вспомнят.

Дворяне переглянулись.

- Ты сам, случаем, не иезуит? Уж больно коварны твои задумки.

Андрей молча вытащил из-за ворота православный крест.

- Позволь полюбопытствовать, а что же дальше?

- Потом проще. Когда король польский в поддержке самозванцу откажет, трон под Дмитрием закачается. Деньги иссякнут быстро, наёмники уйдут. Вот тогда народ на бунт поднимать надо. А самозванца убить. Только ещё важный момент есть.

- Какой? - в один голос спросили князя.

- Кто будет следующим царём. От этого не только моя или ваша жизнь зависит, но и судьба государства. Бояре могут передрасться, и на трон никого не изберут. Безвременье хуже самого плохого царя.

- Э... Григорий, да. Ты и так много сказал. Речи твои умны, но это всего лишь слова.

- Да, мои мысли. Но они вполне реальны, если взяться всерьёз.

- Мы должны подумать. Ступай.

Князя и так сильно рисковали, показываясь ему. Они не назывались, но Андрей их «расшифровал».

- А мне что делать?

- Присматривайся пока, где польские отряды стоят и какова их численность.

- И всё?

- Мы пока не готовы к решительным действиям. Если честно - нет в достаточном числе преданных воинов. Зайди через месяц.

Андрей откланялся. Неужели князя будут заниматься одной лишь говорильней и пустыми прожектами? Или всё-таки будут действовать? Пусть не сейчас. Андрей прекрасно понимал, что для действий нужна длительная и серьёзная подготовка: люди, деньги, план, в конце концов. А тем временем должна идти идеологическая обработка населения. Если семена упадут на обработанную почву, будут всходы. Но для этого нужен ежедневный, кропотливый, тщательный труд.

Из дома князя Андрей вышел разочарованный. Вот он, отлично подготовленный боец. Ему же предлагают ждать.

А самозванец меж тем ждать не станет. Распоряжения его и указы так и сыплются один за другим, ежедневно оглашаемые с Лобного места на Красной площади.

Андрей не спеша пошёл к дому Наума. Едва он вошёл во двор, как купец сам выбежал навстречу.

- Андрей! Ну наконец-то!

- Что случилось?

- Пока ничего. Но всё утро у двора ходил Ванька-хромой. Через забор заглядывал, вынюхивал

чего-то. Боязно мне.

- Ещё бы не вынюхивать... Он двоих разбойников на твой двор навёл. Те ушли на дело и пропали. Он, Ванька, и решил, что они амбар грабанули и с товаром слиняли, оставив его без доли в добыче.

- Думаешь?

- А как иначе?

- Лучше бы ты его... - Купец чиркнул поперёк горла большим пальцем.

- Чем же я тогда лучше его, Ваньки, буду? Он, может, и не виноват ни в чём, а я его ножом. Грех это!

- А если он других на мой амбар наведёт? Не двое могут заявиться, а скажем, четверо? Разве ты один справишься? Вот я и говорю - упредить его надо. Сегодня ходил, ухмылялся, а рожа разбойничья! Тьфу!

- Так ведь и у меня лицо не самое доброе. Если всех казнить только за рожу непотребную, так пол-Москвы убить надо.

- Андрей, прибей его! Денег дам! Мне спокойнее будет. Представь - тати белым днём заявятся? Ты уйдёшь по делам, я - тоже. Дома одна супружница да детки. И товар заберут, и их прирежут, чтобы видаков не было.

- Резонно. Сколько?

- Чего «сколько»? - не понял купец.

- Ты говорил - денег дашь.

- А! - Купец почесал затылок: - Три рубли!

- Сам ищи наёмного убийцу за такие деньги. Мне думается, и дешевле найдёшь - из забулдыг у трактиров.

- А вдруг их схватят? Они же сразу на меня укажут!

- А ты хотел дешёво и надёжно? Так не бывает.

- Ну ладно, твоя взяла. Сколько хочешь? Только чтобы наверняка и чтобы на меня и тень подозрения не пала.

- Десять рублей серебром.

- Да ты что, имей совесть! Я тебя кормлю-пою, крышу дал, а ты - десять рублёв!

- Я позавчера ночью тебе эти деньги с лихвой отработал. Ранение получил, да и вообще убить могли. Я жизнью рисковал! Если для тебя это дорого, всё делай сам.

Оставив во дворе огорчённого купца, Андрей прошёл в отведённую ему комнату. По большому счёту, деньги были нужны не ему лично. Но деньги давали свободу - подкупить кого-то, нанять подводу, оружие приобрести, да мало ли? Он жаждал активных действий, а князя - центр

заговора – пока раздумывали. Как понял Андрей, чёткого плана, распределения ролей – кто за что отвечает и что делать на первом и последующих этапах – у них пока не было. И он решил действовать сам и этим подтолкнуть других. Не может быть такого, чтобы все бояре были довольны самозванцем. Может быть, на пиру в честь царевича были, здравицы кричали, а потом пришло горькое похмелье. Только боялись они, скрывали своё недовольство. Единственная проблема была в том, что за ним, Андреем, народ не пойдёт. Нужен человек видный, авторитетный. За служивым боярином дружина личная стоит, а то и полк государев. Боярин – как знамя. А будет знамя и войско, пусть и невеликое сперва, – народ позже примкнёт.

Ведь у самозванца тоже опоры в войске нет, одна надежда на польские сабли. Ужель сообщая, всем миром, две тысячи поляков не одолеем?

В комнату к Андрею без стука вошёл купец.

– Ты и мёртвого уговоришь. Будь по-твоему, согласен я! Вот тебе задаток, пять рублёв. – Купец протянул Андрею пять монет.

Теперь отказываться было поздно, и Андрей сгрёб монеты.

– Сказывай, где изба Ваньки-хромого.

– Да где и всегда стояла. По моей же улице, почти в конце. Ежели от меня направо повернуть, то предпоследний дом. Дальше бабка Лукерья живёт, глухая почти. А за ними – овраг.

– Собака у него есть?

– Нету. Он сам хуже любой собаки.

– Чем на жизнь промышляет?

– Никто не знает. Вроде попрошайничает у церкви, что на Варварке. Ещё говорят... – купец понизил голос, – ...что к нему по ночам тёмные личности шастают.

– Он на самом деле хромой?

– Ну да. В детстве лошадь копытом ударила. Он ведь моложе меня, на моих глазах рос. Только выглядит старше, седины в волосах полно.

– Ты вот что, Наум. Постели мне в сарайчике матрац какой-нибудь, а сам запись. Я ночью уйти могу.

– Так ты прямо сегодня решил... – Купец недоговорил.

– Не знаю, понаблюдать за ним надо. Представь, я к нему в избу ворвусь, а там шайка головорезов.

– Ужас!

– Вот и я о том же. Он один живёт?

– Как перст.

– Я прилягу, отдохну – ночь беспокойная будет. К ужину выйду. Ты супруге только ничего не

говори.

- Как можно?

- И про матрац в сарае не забудь.

Купец ушёл.

Андрей проверил оба пистолета и нож. Пистолеты - на крайний случай, лучше всё втихую сделать, ножом. А от выстрела вся слободка проснётся. Он вздремнул немного и вышел в трапезную к ужину. Вёл себя как обычно, а купец нервничал.

Когда начало темнеть, Андрей вышел на улицу - вроде как «до ветру», но на самом деле направился в сарай. Сейчас идти к дому Ваньки было рано, ещё не все спать улеглись - зачем внимание привлекать? Он услышал, как купец запер входную дверь, стукнув запором.

Постепенно жизнь в слободке стихала, и вскоре над ней нависла тишина. Пора.

Андрей поднялся с матраца, опоясался ремнём, проверил, как выходит из ножен нож, и сунул один из пистолетов за пояс. С собой взял пистолет разбойника, польский же оставил. По привычке попрыгал на месте - не бренчит ли чего?

Выйдя через калитку и прижимаясь к заборам, двинулся в конец улицы. Избы тут и вовсе завалившие пошли - покосившиеся, под соломенными крышами. Сразу видно - беднота живёт. Из одной избы пьяная разудалая песня слышится.

Он дошёл до последней избы и вернулся к предполагаемому жилью Ваньки-хромого. Тут даже заборов не было. Во дворе - щелявый сарай из горбыля.

В избе два небольших оконца, затянутые бычьим пузырьём, - такие только в деревнях остались. В Первопрестольной даже у небогатых горожан в окнах слюда, а у купцов, дворян, зажиточных мастеровых - стекло.

Не отрывая подошв от земли, чтобы не наступить на ветку, щепку или глиняный черепок, Андрей приблизился к стене избы. Прижимаясь к ней, он приблизился к окошку. Оно тускло светилось - в комнате горела лучина. Слышался тихий разговор. Андрей понял, что Ванька не один и его собеседник - мужчина. Андрей почти приник к окну, стараясь услышать и понять, о чём идёт разговор. Собеседники были явно пьяненькие и не особо секретничали.

- Тебе трёх-четырёх крепких ребят надо и пару подвод.

- Зачем?

- А товар вывезти?

- На кой чёрт мне товар? Спалишься только с ним.

- Да ты что, босяк! Для чего тогда к купцу идти?

- За деньгами. Ты думаешь, он на последние гроши товар купил? Небось в укромном месте кубышка хранится.

- Так он тебе и показал! Наум скуп, не скажет ни в жисть!

- Я его и спрашивать не буду. Самого свяжу, при нём детей его попытаю - у него дети есть?

- А как же! Две дочери и сынишка.

- Какой родитель чад своих не любит? Сын - так и вовсе продолжатель дела, а поскольку младший, родителей досматривать будет. К нему и наследство перейдёт. Купец твой сына-то больше всех любит... Как ты думаешь, если я калёным железом пацана прижигать начну, скажет отец про кубышку?

- Ну и изверг ты, босяк!

- Э, сколько на мне крови... А мертвяков - так тех и не сосчитать.

- А с купцом да с его семьёй потом что будет?

- Известное дело - порежем и уйдём. Зачем нам видаки?

- Не по себе как-то. Ограбить, раздеть - это другое дело. А убить...

- Что, совесть заговорила? Ты вот двоих к купцу послал - куда они делись?

- А может, товар хапнули да ушли?

- Много ли они вдвоём унесли, даже если замок открыли? А не врешь ли ты мне, Ванька? Может, в амбаре-то и товара давно нет?

- Вот те крест, товар там! Я купца с детства знаю. Удачлив он, должны быть у него деньги!

Разговор прекратился, послышался глухой стук кувшина и звук льющейся жидкости. «Ага, пошло в кружки наливают», - сообразил Андрей. Что же делать? Ворваться и обоих кончить? Или подождать, пока гость выйдет, убить его, а потом уже и Ваньку? Ванька увечный, сам на дело не пойдёт - но он наводчик. Убьёшь босяка, так Ванька других бандитов найдёт. Убирать надо обоих. То, что они пьют, Андрею на руку, у пьяного реакция не та, замедленна.

Он решил подождать и заодно послушать разговор - уж больно занятно.

Собеседники некоторое время молчали, видимо - выпили и закусывали.

Хозяин продолжил:

- Попрошайничеством много не заработаешь, хотя скажу я тебе - людишки в церковь разные ходят. Есть среди них довольно богатенькие.

- Вот и проследил бы за такими - где живут, есть ли прислуга да сколько её.

- Это с моей-то ногой? Некоторые ведь на возках приезжают.

- Не все же... Другие - пешком. Вот за ними и пригляди. Дашь богатенького, которого прищучить легко, - получишь свою долю. Скажем - десятину.

- Десятину? Мало!

- Да ты с ума сошёл! Я и мои люди рисковать животами будут, а твоё дело плёвое - только

место, где живут, укажи.

- Если бы ты делился честно! Не зря твои поговаривают, что ты и от них часть добычи утаиваешь. Что похуже и попроще - им, а себе золото да украшения подороже.

- Ах ты!

Послышался звук удара, потом ещё, вскрик - в избе явно началась пьяная потасовка.

Вот удобный случай. Андрей потянул на себя ручку двери - не поддаётся. Он толкнул дверь, и она распахнулась. Всё не как у людей!

Сени тёмные, захламленные. Он пошарил рукой по стене, нащупал ручку двери, толкнул. Тусклый, невзрачный, колеблющийся свет после темноты на время ослепил, показался ярким.

Хозяин и гость возлились на полу, пьяно сопя, ругаясь и награждая друг друга тумачами. В пылу свалки они не обратили на Андрея никакого внимания.

Андрей сделал шаг, другой, выхватил нож и всадил его в спину мужику, сидевшему на лежащем хозяине избы. Тот замер на секунду, а потом вдруг со всего размаха рухнул прямо на лежащего. Тот стал неловко выбираться из-под убитого - увечная нога гнулась плохо.

- Костыль подай, - натужно просипел он.

Убивать увечного душа не лежала, но Ванька-хромой - самый настоящий упырь, который наводит шайку убийц и грабителей. Вполне может быть, что из-за его наводки уже не один человек погиб.

Андрей без колебаний ударил его ножом в грудь. Хозяин упал на земляной пол, прохрипел:

- За что? Я тебя не знаю.

- Ну вот и познакомились, гнида.

Андрей нанёс ему ещё один удар, смертельный. Обтёр лезвие об одежду убитых и вложил нож в ножны.

Он свою работу выполнил - даже перевыполнил. Эти двое - отбросы, гниль, дно. И ни один мускул, ни один нерв не дрогнул. На них крови выше макушки, плаха их заждалась. Он хоть и не судья, но сейчас свершился суд правый, отлились душегубам чьи-то слёзы.

Андрей задул лучину - не хватало только пожар учинить. Выйдя из избы, вдохнул чистого воздуха - в избе кислятиной воняло, затхлостью.

Вернувшись во двор купца, закрыл за собой калитку и улёгся в сарае на матрац. Небо на востоке уже алело.

Ему казалось - только голову склонил да веки смежил, а купец уже тряс за руку:

- Андрей, просыпайся!

- Дай вздремнуть, только лёг.

- Рубаху бы тебе сменить, пока никто не видел, в крови вся.

- Так свою принеси.

- Я мигом!

Купец вернулся со своей рубахой, поношенной, но чистой.

Андрей переоделся.

- Ну, как прошло?

- По крови догадался? Убрал я Ваньку-хромого, а с ним - ещё одного. Как звать, не знаю, но, похоже, - главарь. Его Ванька босьяком называл.

- Слышал о таком, прозвище это. Тать на Москве известный.

- Они собирались тебя грабить. О том говорили, а я подслушал.

- Ах ты, господи, отвёл беду!

- Возьми рубаху мою, облей лампадным маслом и в печи сожги, причём - немедля.

- Исполню, как велишь! - Повеселевший Наум схватил рубаху Андрея, скомкал её и понёс на кухню.

Андрей снова смежил веки, однако купец был уже тут как тут.

- Андрей?

- Ты мне выпатся дашь?

- Рубаху твою спалил и деньги вот принёс.

Пришлось встать, взять деньги - в сарае выпатся не дадут.

Андрей прошёл в дом, в свою комнату, стянул пыльные сапоги и в одежде рухнул на постель.

Проснулся он к обеду. Умывшись, он утёрся куском льняного полотна, висевшего тут же, возле умывальника, и прошёл в трапезную. Наум уже сидел за столом весёлый, улыбающийся и разливал вино по кружкам - себе и Андрею.

После неспешного обеда домашние по традиции улеглись отдыхать. В доме было тихо, думалось хорошо, никто не мешал.

Деньжата, пусть и невеликие, у него теперь есть - надо же с чего-то начинать. По подсказке князей ходить по польским заставам и считать наёмников он не собирался. Все события, если до этого дойдёт, будут в центре, в Кремле - где самозванец сидит. А коли до воинства дойдёт, конная сотня ратников любую заставу в полчаса сомнёт. Застава - она больше для простых горожан.

Андрей сильно сомневался, что застава способна выявить и изловить лазутчика, если таковой появится. Да и откуда ему взяться? Новгород - и Великий и Нижний - присягнул, как и другие города, и явных очагов сопротивления в них нет. Стало быть, самому шевелиться надо.

Глава 3. Юродивый

Для начала он попросил у Наума одежду похуже, поистрёпанней и такую же обувь.

- Похуже? - переспросил купец, полагая, что ослышался.
- Ну да. Такую, какую нищие да юродивые носят. Какую выкинуть не жаль.
- Тебе-то зачем? Али попрошайничать на паперти хочешь?
- Можно и так сказать.

Наум удивился:

- Странен ты зело. У тебя денег на избу хватит, пусть и не на каменную, а ты - попрошайничать... Полагаю - неспроста. Иль задумал чего?
- Задумал, но что - сказать не могу. Меньше знаешь - крепче спишь.
- Это верно. Пойдём в сарай. Там вроде тряпье висело, если супружница не выбросила.

После долгих поисков они нашли драные штаны, истёртую до дыр на локтях рубаху и пыльный колпак на голову, а на ноги - поршни заячьи.

- В них в походе удобно, нога не устаёт, - виновато улыбнулся купец. - В городе по мостовой в них ходить опасно. Лошади гвозди из подков теряют, ногу пропороть можно.
- Сгодятся, попробую.
- Тогда я супружнице скажу, пусть постирает - пыльная одежонка-то.
- Ни в коем разе, мне такая нужна.
- Как хочешь, - пожал плечами купец. Но покрутил удивлённо головой.

С дальнего конца улицы донеслись вопли и стенания.

- Что случилось?

Купец обеспокоился, выскочил на улицу - на дальнем конце её собирался народ.

- Наум, это убитых обнаружили. Сходи, полюбопытствуй, поохай - соседа же убили. Порасспрашивай, посочувствуй. Распустились-де тати, никакой управы на них нет.
- Ну да, разумно. Вроде я и не знаю ничего.

Купец ушёл. Не было его довольно долго, а вернувшись, утирал настоящие слёзы:

- Ох, погубили душегубы соседей!

Однако, подойдя к Андрею, он вытер слёзы рукавом и улыбнулся:

- Бают, что хозяин с гостем напился да и подрались, не поделив чего-то.

И лукаво подмигнул Андрею. Ну артист! Ему бы в театре лицедействовать.

Наум вновь скорчил скорбную гримасу и вошёл в дом – известить о печальной новости домашних.

Утром Андрей направился к церкви на Болотной. Были храмы и ближе, но он опасался – могут местные увидеть, узнать. Ведь обычно посещают тот храм, который ближе. Бывают и исключения: храм какой-то особый, или священник нравится, либо церковный хор отменно хорош.

Сначала он стоял на паперти, вызывая неприязнь и даже ненавистные взгляды других попрошаек. А когда народ со службы выходить начал, заблажил:

– Ой, берегите свою душу, люди добрые! Угроза большая истинной вере грядёт! Царевич-то ненастоящий! С собой в Первопрестольную католиков проклятых привёл и в Кремле их до поры до времени укрывает! Видение мне было, звезда с неба упала. Большие потрясения народ наш горемычный ожидают. Звезда беду предвещает! Царевич-то на иноземке жениться схочет, а та веры латинянской. Ой, быть беде!

Народ слушал, ухмылялся. Но в колпак, лежащий у ног Андрея, монеты кидал.

Поскольку народ стал расходиться, Андрей монеты в тряпицу узелком связал и за пазуху сунул. Теперь до вечерней службы народу почти не будет. Он хотел пойти на торг, где скоморохи представление дают, там немного покричать, заронить в их души зерно сомнения. Юродивым часто верили больше, чем кому-либо – тем же князьям или боярам. Но едва он успел отойти от церкви на полсотни шагов, как его окружили попрошайки:

– Ты кто таков?

– Григорий.

– Шёл бы ты отсюда, Григорий, восвояси. Тут наше место.

– А мне тут нравится. – Андрей скорчил дебиловатую физиономию.

– Эй, придурок! Ежели не понял, проучим. Это мы на первый раз добрые.

Андрей заметил, что говорил в основном один. Как он понял, это был предводитель попрошаек, которые кормились у этой церкви.

– Ага, ага, понял. – Андрей улыбнулся, растянув рот едва не до ушей, и пустил слюну.

– Тьфу, едрит твою, малахольный!

Попрошайки сочли, что новичка предупредили, и стали расходиться.

Андрей постоял на месте, потоптался, а когда предводитель отошёл на приличное расстояние, двинулся за ним. Тот не оборачивался, свернув пару раз в переулки. Андрей догнал его в глухом месте, схватил за плечо и развернул лицом к себе:

– Ты, блоха навозная! Если ты ещё раз ко мне подойдёшь или людишек своих науськаешь – язык отрежу.

С этими словами Андрей приставил к горлу предводителя нож, который до того держал в рукаве.

Почувствовав холодок на шее, предводитель и рад был бы кивнуть, но боялся.

Андрей убрал нож и ласково улыбнулся:

- Я вам не мешаю, вы - мне. Понял?

- П... п... понял...

- Вот и молодец! От старости в своей постельке умрёшь, а не от ножа.

Андрей отступил на шаг и со всей силы пнул не ожидавшего удара предводителя по голени. Попрошайка взвыл от боли и согнулся. Удар по кости и в самом деле очень чувствительный, болит долго.

- Это чтобы до тебя быстрее дошло.

От боли попрошайка не мог ни вздохнуть, ни охнуть. На землю выпал узелок с монетами. Андрей нагнулся, поднял и развязал его.

- О! Тебе повезло сегодня! Не меньше рубля собрал, правда - медяками.

Предводитель с трудом разогнулся и с ненавистью посмотрел на Андрея.

- Отдай...

- Конечно! Я же не тать какой-нибудь. Держи! - Он вернул предводителю тряпицу с деньгами.

Другой на его месте деньги забрал бы. Среди нищих, попрошаек, гулящих девок, грабителей всех мастей и татей закон был один - кто сильнее, тот и прав. Сильный мог отобрать твою добычу, избить, унижить. Не нравится - отбери изъятое, сам избеи или даже убей обидчика. Не можешь - смиришь, молчи в тряпочку. Воистину - выживает сильнейший.

Попрошайка потому удивился несказанно - где это видано, чтобы деньги возвращали? Не в силах скрыть своего удивления, он теперь таращил глаза на Андрея - не готовит ли тот ещё какой-нибудь подвох.

- Деньги убери, не ровён час другие увидят.

Нищий завязал узелок и сунул его за пазуху.

- Ну что, урок понял?

Предводитель заискивающе улыбнулся и кивнул.

- Значит, мир. Вы меня не трогаете, я - вас. Ты не болей, я не сильно ударил.

Охота идти на торг пропала. Андрей свернул за угол, пересчитал деньги. Вышло без гривенника - рубль. Э, да попрошайки неплохо зарабатывают на милостыне. А ведь будет ещё вечерняя служба, когда народу в храм больше приходит. А на праздники вроде Пасхи даже скупые подают.

Он нашёл трапезную, сделал заказ. Половой окинул его брезгливым взглядом:

- Деньги наперёд давай.

Андрей расплатился, поел, даже кружку пива выпил. Быть попрошайкой для него внове. Да не просто попрошайкой – юродивым. Про звезду падучую вещал, про видения. Блин, до чего же он опустился – до попрошайки, на самое дно общества.

Андрей усмехнулся. Надо будет для дела – ассенизатором станет, только называли их в это время золотарями. Странно, вот как раз золотом там и не пахло.

Он поболтался по центру города часок, убивая время до службы, а потом направился к храму. Попрошайки, ещё совсем недавно делавшие ему внушение, сделали вид, что они его в упор не видят. Видимо, предводитель успел с ними поговорить.

Перед и после вечерней службы подавали более щедро, и когда Андрей вернулся домой, в его узелке было уже два рубля. Ха! Да через месяц он на милостыню сам ватагу лихих людей нанять может и Кремль захватить. Шутка, конечно! У поляков выучка и дисциплина, с ними совладать можно, но сложно, без потерь не обойдётся. Но на любую силу всегда другая сила найдётся.

Андрей стал ходить на паперть как на работу. Был он приветлив с попрошайками, зла никому не делал, и потому нищие вскоре стали с ним здороваться и принимать за своего.

Через неделю подошёл предводитель:

- Настоятель храма просил передать, чтобы ты на утреннюю службу не приходил.
- Твои козни?
- Упаси бог! Речи твои не всем нравятся. Видно, нажаловался кто-то из прихожан.
- Тогда спасибо за предупреждение!
- Долг платежом красен, может быть, и ты когда-нибудь мне поможешь.

Однако Андрей хотел убедиться, что его не обманули.

Следующим утром он оделся прилично, нанял извозчика. Подъехав к храму, встал поодаль, но так, чтобы хорошо проглядывалась паперть – возвышение перед входом в церковь.

Прибыл вовремя: буквально через четверть часа служба закончилась и стали выходить прихожане. Наблюдать стало труднее.

Внезапно раздался стук копыт, из-за угла выехали несколько польских всадников и направили своих коней к храму. Они спешили и взбежали по ступенькам. Ну да, его, Андрея, искали. Но прихожане, раздав милостыню, чинно удалились. Никто не юродствовал, не говорил пророчеств.

Побежав по паперти и хлестнув со злости плётками пару некстати подвернувшихся нищих, поляки удалились.

- Езжай на торг, – попросил возчика Андрей.

Для себя он сделал два вывода. Нельзя долго на одном месте крамольные речи говорить, раз в пять дней храмы менять надо. И второй: у настоятеля есть информатор, скорее всего – среди поляков или наших бояр, приближённых к самозванцу, но отнюдь не до конца ему верных. Занятно, надо с батюшкой с глазу на глаз переговорить. Глядишь – полезный контакт

появится.

Андрей походил по торгу, нашёл скоморохов – рядом с ними всегда толкался народ. Странствующие артисты показывали из-за ширмы короткие представления. Главным действующим лицом всегда был Петрушка и его визави – то купец, то стрелец, а то и боярин.

Сценки были едкие, смешные. Скоморохи высмеивали людские пороки – жадность, лживость, прелюбодеяние. Но и о царевиче не забывали – была у них короткая сценка. Народ плакал со смеху, показывал на Петрушку пальцами, хватался за бока. Сценка была рискованной – ведь выступали на Красной площади, под боком у самозванца. И что удивило Андрея – никто не бросился за стражей, дабы поймать хулителей.

Нет, играть роль юродивого здесь очень рискованно. К тому же народ пришёл повеселиться и его призывы может не воспринять.

Андрей вернулся домой, переоделся в попрошайку и направился к другой церкви. Но тут нищие даже рядом с собой не позволили ему встать, вытолкали с паперти взашей. Ну не драться же со всеми разом?

Андрей перешёл к другой церкви, благо их в Москве хватало, едва ли не в каждом квартале. Тут прихожан было поменьше, впрочем – как и попрошаек. Но и прихожане были победнее, милостыню бросали в колпак медными монетами и полушками. Зато и отклик на его «проповеди» был более горячий. Слушали внимательно, а когда он смолк, раздался выкрик:

- Ещё давай! Режь правду-матку!

Когда прихожане разошлись, к нему подошёл сгорбленный и совсем седой старик из попрошаек.

- Знаешь старую монгольскую пословицу? Кто говорит правду, умирает не от болезни.

- Не знал, – усмехнулся Андрей, – приму к сведению.

Он быстро пересчитал скудное подавание. На не очень сытный обед хватит. И, расспросив, где находится ближайшая харчевня, Андрей отправился туда. Сделав заказ, он оплатил его, как и всегда, вперёд. Ну не верили слуги в его платёжеспособность, не внушал он им доверия. А с другой стороны – и их понять можно. Съест он обед, а денег рассчитаться нет. Это не товар, который можно забрать. Побить, конечно, могут.

Пока ожидал заказ, всмотрелся в хозяина за стойкой и замер от шока. Владелец заведения вертел в руках сотовый телефон. Посетители не обращали внимания на странную вещицу, поскольку не видели таких никогда.

Но не Андрей. Он подошёл к хозяину. Неужели, как и он, владелец харчевни переместился во времени? Это удача!

- Занятная штука, – осторожно сказал он.

- Вот гад!

- Это ты мне? – удивился Андрей. – Но я же тебе худого слова не сказал.

- Не тебе! Тот, кто продал это мне, – гад ползучий!

- Можно посмотреть?

- Гляди.

Едва Андрей взял телефон в руки, как сразу узнал его. Марка, модель, царапина слева на пластмассовом корпусе – это его аппарат. Только как он сюда попал? Андрей попробовал его включить – тщетно. Аккумулятор сел в ноль.

Андрей вернул телефон хозяину.

- Красивая вещица.

- Только не играет. Третьего дня был тут у меня один. Пообедал, а платить нечем. Шкатулку мне предложил, сказал – музыкальная. Музыку играет, светится. Я и купился на обман. А шкатулка только один раз пропиликала, и всё. Сломалась, верно.

Разочарованный, Андрей сел за стол, а тут и еду принесли. А ведь как обрадовался, когда телефон увидел! Как же, современник его! Дудки!

Он поел и пошёл к выходу.

- Отдам шкатулку кузнецу, пусть починит, – сказал ему вслед хозяин.

Андрей вздохнул. Да уж, кузнец починит.... Там только кувалды и не хватает.

Он пошёл по улице – абсолютно без цели. До вечерней службы было время.

Впереди него остановился крытый возок, и из него выглянул пассажир.

- Григорий, ты?

- Если ты меня спрашиваешь, то – да, я на самом деле Григорий.

- Иди сюда, садись.

Андрей подошёл с некоторой опаской – его под именем «Григорий» знали только трое князей.

В возке и в самом деле на мягкой кожаной подушке сидел князь Голицын.

- Садись. Едва узнал тебя, богатым будешь! Трогай! – это он кучеру.

Возок тронулся, закачался на ухабах дороги.

- Что-то ты надолго исчез, Гриша.

- По-моему, князь, у вас одна говорильня. Кружок вышивки – ты уж прости, Василий Васильевич.

Князь нахмурил лоб:

- Не припомню, чтобы я называл себя.

- Брось, князь! Я не первый день живу и сразу понял, кто со мной говорил.

- И кто же другой, кроме Куракина?

- Князь Шуйский.

- Верно. Слухи до меня доходить стали, что какой-то юродивый небылицы на самозванца народу вещает. Я почему-то о тебе сразу подумал. Так?

- Не скрою, я тот юродивый.

- Ну да, одежонка на тебе в самый раз. Только рано ты начал. Мы через своих людей в Польше уже до Сигизмунда довели нужные нам сведения.

Андрей показал на кучера:

- Не бойся. Он слышит, но никому ничего не скажет - язык у него обрезан.

Андрея передёрнуло.

- Король на самозванца зол, ногами топал, повелел ни единого злого в поддержку Дмитрия не давать. Вроде бы отряд гусар хотел в Москву послать, да остыл. И свадебка скоро будет, переписка между голубками оживлённая идёт.

- Отец её всё надеется миллион получить?

- Похоже. Сам в Москву собирается с дочерью.

- И не жалко дитя родное?

- Да за такие деньги он всех девок отдаст. Ты самовольство своё заканчивай. В народе и среди бояр настроения ещё не те, не созрел народ. Ни за грош погибнешь. Поляки схватят, отведаешь пыток, а то и сразу зарубят. Ты лучше ко мне приходи.

Князь рассказал, как найти его дом.

- Куракин не уверен в себе, он ничего не решает. Про Шуйского умолчу. Я сразу понял - у тебя голова работает. Саблей махать желающие найдутся, в нужный момент из Великого Новгорода и Ярославля люди придут, а умную голову на плечах не каждый боярин или князь имеет. Даже дворянство за сечу давалось, или по наследству звание получали. Только ведь указом царским ума не добавишь. Почёт и должность при дворе - это да. Только у нас дело поважнее будет.

- Буду.

- Вот и славно. Только рубище своё до поры до времениними и на гвоздик повесь. Да и слуги мои в такой одежде тебя за калитку не пустят.

- Понял. - Андрей на ходу прыгнул с подножки возка. Похоже, из всей троицы княжеской Голицын умнее всех. И действовать они начали так, как Андрей советовал. Хотя не факт, могли и сами додуматься. Они царедворцы и плести интриги большие мастаки.

Как князь и советовал, Андрей убрал своё рубище под кровать. Переодевшись в приличное платье, он причесался и умаслил бороду. Теперь и не скажешь, что юродивый, вполне приличного вида горожанин - то ли приказчик из купеческой лавки, то ли мастеровой. Сверху накинул кафтан - не новый, но чистый, по крайней мере, мёрзнуть не будет. Одетый в рубище, он мёрз на паперти. Осень в Москве выдалась прохладная, и дырявая одежонка не грела.

Андрей направился к князю Голицыну - ведь приглашал. По пути зашёл к цирюльнику - бороду

оправил, волосья на голове слегка подровнял и совсем стал похож на человека.

Он нашёл дом князя, представился холопу у ворот. Его впустили во двор, видимо, Голицын не забыл предупредить прислугу.

Холоп ушёл доложить.

Князь принял его сразу – он сидел в кресле за дубовым столом. Комната тоже была обшита дубовыми планками и оттого казалась тёмной.

– Лёгок на помине, – слегка усмехнулся князь, – садись. Ты вроде в языках понимаешь? Сочти! – Он протянул Андрею лист бумаги.

Тот взял протянутый лист, пробежал глазами, знакомясь с текстом.

– Чего молчишь? Не разумеешь?

Андрей перевёл текст. Письмо явно писал писарь – буквы выведены каллиграфическим почерком. Но послание продиктовано, скорее всего, самим самозванцем и предназначалось оно Мнишеку. Лжедмитрий призывал приехать в Первопрестольную Марину и её отца Юрия. Причём из письма было понятно, что он согласен на свадьбу по католическому канону. Ещё самозванец просил привезти с собой наёмников или охочих людей, ибо среди бояр московских – да и не только – недовольство.

– Всё? – Князь слушал внимательно.

– Всё, до последней буквы. Как письмо к вам попало? Это ведь не список, настоящее.

– Мои люди гонца случайно перехватили, в сумке у него нашли.

– Давно?

– А тебе зачем? Али мысль какая есть?

– Есть. Гонцом переодеться и самому в Польшу съездить, передать письмо Мнишеку-отцу в руки.

– Смысл какой? Не пойму!

– Он же ответ напишет, узнаем о замыслах.

– А если гонец слова секретные знает или Юрий его самого в лицо знает? На плаху попадёшь!

– Гонец-то жив?

– Жив покамест, в погребе сидит.

– В твоём тереме? – удивился Андрей.

– Нет, конечно, в десяти верстах от Москвы. Зачем интересуешься?

– Гонца допросить можно. Он расскажет, был ли у Мнишека и есть ли слова секретные. А может, самозванец на словах велел что-нибудь передать.

- Рискованно! Надо послание гонцу отдать, пусть вручит Мнишеку. Письмо-то мы сочли.
- Он же всё расскажет польскому воеводе и самозванцу.
- Не в его интересах, сам может башку на плахе потерять. Только действовать надо быстро. Гонца-то утром ещё взяли, задержка как-никак.
- А ещё бы настоятельно попросить на обратном пути ответ показать.
- Там же печать восковая!
- В первый раз, что ли? Свечкой подплавим.
- Да ты просто мошенник!
- Я очень любопытный. Едем?

Князь позвонил в колокольчик и велел готовить коней и людей.

Через четверть часа кавалькада из шести всадников выехала из дома. Впереди князь, за ним – его люди, а замыкающим ехал Андрей: скакать рядом с князем ему было не по чину.

Через полчаса они въехали в деревеньку, и князь уверенно направился к самому большому дому. Оказалось, там проживал его родственник, обедневший боярин.

Охрана князя осталась во дворе, а сам князь и Андрей вошли в дом.

Встретивший их хозяин вопросительно посмотрел на Голицына.

- Можно, свой человек, – понял князь его немой вопрос относительно Андрея.
- Я так понимаю – вы за гонцом?
- Именно. Пусть его сюда приведут.

Холопы притащили связанного гонца. Это был чистокровный поляк, вполне сносно говорящий по-русски.

Князь сразу, без экивоков, спросил его:

- Жить хочешь?
- Кто же не хочет? Хочу!
- Я предлагаю тебе взять послание и отвезти его к воеводе Мнишеку.
- Вы меня отпускаете? – удивился поляк.
- А чем мы рискуем? Ты отвезёшь письмо, но о нашей встрече благоразумно умолчишь. А когда будешь возвращаться назад, снова заедешь сюда. Мы любопытствуем содержанием его, и ты поедешь дальше. А за задержку получишь монету золотом.
- Лучше две, – тут же начал торговаться поляк.
- И одной-то много, – укорил его князь. – Мы тебе жизнь сохраняем, это уже немало. И ты

ничем не рискуешь.

- Пся крев, договорились.

Поляка развязали, письмо уложили в заплечную сумку и вывели гонца во двор. Холопы привели ему коня – его успели накормить и напоить.

Поляк вскочил в седло, и лошадь сорвалась с места.

- Как думаешь, вернётся? – спросил князь. Непонятно было только, кого он спрашивал.

Ответил боярин, хозяин дома:

- Вернётся! Я ляхов знаю, воевал с ними несчётно. Деньги они сильно любят. И этот – тоже.

- Хм... Сколько времени надо, чтобы гонец обернулся?

- Недели полторы-две. Хотя неизвестно, сколько он там пробудет – у воеводы.

- Ладно. Григорий, через десять дней – даже на пару дней раньше – будь здесь. Поживёшь у боярина. Ежели гонец прибудет, прочитаешь письмо. Только аккуратно! Гонцу золотой отдашь.

- Исполню. – Андрей склонил голову.

- Толмач, что ли? – спросил хозяин.

- Аз есмь.

- А вдруг не по-ляшски напишут?

- Осилю.

- Надо же!

Князь махнул рукой, слуги подвели коня, и вся кавалькада прежним построением рванула в Москву.

Уже во дворе у князя тот сказал:

- Ко мне пока не ходи, через неделю явишься – получишь коня и деньги. Дорогу, надеюсь, в деревню запомнишь.

- Как хоть хозяина зовут?

- Никифор Бутурлин.

Андрей откланялся. Юродствовать князь ему запретил, а больше заняться было нечем, и потому все дни он отсыпался и думал. В голову лезли разные планы свержения самозванца и его устранения. Но все варианты страдали одним недостатком – не было доступа к Лжедмитрию. Через охрану поляков и двух десятков верных Дмитрию стрельцов не пробиться.

Однако после долгих размышлений у Андрея появилась одна сумасшедшая идея. Надо организовать народные волнения или толпой идти к Кремлю, скажем – с челобитной. Лжедмитрий не преминет выйти к народу, успокоить его, пообещать наказать виновных. Вот

тут его и... Только повод серьёзный для волнений нужен - вроде «соляного бунта». Но нет ничего невозможного, повод можно придумать, спровоцировать.

Наум-купец удивлялся:

- Ты, Андрей, часом, не заболел какой-нибудь хворью?
- А что, заметно?
- Целыми днями лежишь. Не простудился ли на своей паперти?
- Не хожу туда уже несколько дней.
- А то бы я баньку истопил...
- Я сам истоплю.
- Во! Узнаю прежнего Андрея! А то всё лежишь, молчишь... Али беда какая?
- Типун тебе на язык, Наум.

И в самом деле подозрительно. То каждый день в рваньё и обноски одевался, ходил как на службу, а сейчас днями и ночами напролёт в комнате прячется. Наум уж подумал: не натворил ли чего неприятного? Андрей - он такой, он может.

Тем временем Андрей истопил баньку, обмылись, а опосля их - супружница купеческая с детьми пошла. Наум же с Андреем вечер за столом провели. Купец пиво свежее выставил да балыки осетровые на заедки. Давненько они так не сиживали - всё дела, заботы.

А на следующий день Андрей оделся потеплее и направился к князю.

- Я уже беспокоиться начал, - встретил его князь.
- Как договаривались.

Князь позвонил в колокольчик и сказал вошедшему холопу:

- Лошадь приготовь, оседлай - для него.

Холоп поклонился и вышел, а князь выложил на стол две золотые монеты.

- Одну гонцу отдашь, другая - на всякий случай. С богом!
- Список привезти или на словах?
- Как получится.

По уже знакомой дороге Андрей добрался до села, постучал в ворота.

Хозяин оказался дома. Они поздоровались, боярин приказал увести коня в конюшню и задать овса. Задержавшись на секунду, погладил жеребца по выхоленной морде:

- Узнаю бегунка, из княжьей конюшни.
- Своим не обзавёлся пока, да и по чину не положено, - отступил на шаг Андрей.

Ожидание тянулось долго, однако гонца всё не было. Или случилось что-то непредвиденное, или он струхнул и решил ехать в Москву напрямик. Этот вариант был хуже всего. Передав послание от Мнишека Лжедмитрию, он вполне может привести поляков в деревню.

Никифор и сам это понимал, потому как Андрей обнаружил за амбаром маленькую медную пушку, развёрнутую стволом к воротам. Сунув руку в короткий ствол, он нащупал там тряпичный пыж. Умно! Дробом или картечью заряжена, ядром на короткой дистанции большого урона не нанесёшь.

Андрей попросил боярина:

- Мне бы какое-нибудь оружие - вроде сабли.

- Всё оружие в амбаре, и дверь не заперта - просто прикрыта. Один из холопов на околице дозор несёт. Как заметит неладное - тотчас сигнал даст. Тогда возьмишь.

- Понял, спасибо.

Продуманный боярин, все мелочи учёл. Пистолеты - оба - у Андрея были, но в бою перезарядить их не успеть. Остаться же с разряженными после выстрелов было несподручно, боязно. Если гонец поляков приведёт, бой получится скоротечный.

Однако опасались зря. Хоть и с задержкой, но гонец прибыл. Вид у него был донельзя пропылённый и усталый. Конечно, дорога туда и назад, почти полмесяца в седле безвылазно. И у лошади бока опали, видно было, что ей досталось.

- Пить, - только и сказал поляк.

- Квасу? - предложил боярин.

- Нет, только не его! Исбитня или воды.

- Сбитень, - поправил его боярин.

Принесли сбитень в большой глиняной кружке. Гонец жадно осушил её и снял с себя сумку.

- Послание там, - и уселся на крыльце.

Боярин и Андрей прошли в горницу. Пламенем свечи Андрей нагрел острый нож, аккуратно отделил печать, развернул бумагу и пробежал глазами текст.

Мнишек сообщал, что соглашение остаётся в силе и он прибудет с людьми, дочерью и обозом по весне, предположительно - в конце апреля, когда просохнут дороги.

Андрей пробежал текст ещё раз, уже медленно и внимательно, стараясь запомнить все фразы. Закрыв глаза, он для верности повторил - всё запомнил правильно. Нагрев, он приложил восковую печать на витом шнуре, внимательно осмотрел - никаких следов вскрытия.

Никифор с Андреем вышли из избы. Гонец лежал на крыльце и вовсю храпел - хоть голыми руками его бери. Едва растолкали.

Андрей протянул ему сумку с письмом и отдельно - золотую монету:

- Как договаривались.

Слуги уже успели накормить лошадь гонца овсом и дать ей воды.

Поляк помотал головой, отгоняя остатки сна, поднялся и уселся на коня.

- Так ты, если что интересное будет, заезжай, - посоветовал ему боярин. - Деньги - они всем нужны.

- Так и есть, - не стал спорить гонец.

Поляк дал лошади шенкеля и унёсся со двора, а Андрей и Никифор вышли на улицу. Здесь было пустынно, только куры выискивали на земле зёрнышки и крошки.

- Пронесло, - задумчиво произнёс боярин.

- Наёмник... - пожал плечами Андрей. - За деньги не то что чужого для него царя - мать родную продаст.

- Воистину - золото любые двери открывает.

- Так и я поеду. За гостеприимство спасибо - ко князю тороплюсь.

Слуги уже оседлали лошадь и вывели её из конюшни.

- Бывай, свидимся ещё. - Боярин хлопнул ладонью по крупу коня.

Вскоре Андрей въезжал в Москву.

В доме князя его уже ждали. Слуги приняли коня, а его самого проводили в дом.

Князь ответил на приветствие, сам спросил:

- Долгонько тебя не было, заждались уж! Гонец был?

- Задержался в дороге, но был. Письмо я счёл. А главное - поляков он с собой не привёл. Боярин Никифор опасался, дозор выставил, тюфяк с дробом приготовил.

- Он такой, предусмотрительный. Сказывай!

Андрей, закрыв глаза, повторил текст письма.

- Занятно! Стало быть, свадебку по маю играть будут, после Пасхи. Хотя у католиков Пасха раньше. Ладно, спасибо. Ты периодически, скажем - раз в неделю, заглядывай.

- А сейчас что делать?

- Ничего. Князь Шуйский людьми занимается. Бояр, у которых дружины есть, подговаривает, прощупывает, чтобы в нужный момент выступили. Поляков можно только силой сломить, уничтожить или из Первопрестольной изгнать. Без них самозванец - ничто, с ним справимся легко.

- Быть по сему. - Андрей откланялся.

Надвигалась зима. Уже замерзала грязь по ночам, низко над городом плыли свинцовые тучи, грозя дождём или снегом.

На следующий день снег и в самом деле выпал, укрыв всё белой пеленой и принеся с собой лёгкий морозец. Народу на улицах сразу поубавилось. У кого была возможность – сидели по домам.

И торговому люду плохо. На кораблях ходить уже опасно: лёд крепкий со дня на день на реках встанет, и ежели вморозит лодью или ушкой – жди до весны. На телегах обозами с товаром уже не поедешь, а на санях – рано, снега мало. Только конные ещё передвигались по дорогам. Лошади попонами укрыты, на всадниках тулупы, зипуны или шубы – в зависимости от достатка.

А через два дня повалил снег, шедший без перерыва три дня и наваливший сугробы по пояс. Дороги стали непроезжими, на улицах – лишь узкие тропинки, протоптанные прохожими. А после ударили морозы, довольно изрядные для начала зимы – до двадцати градусов. И если коренное население к такой зиме было привычно, то поляки отчаянно мёрзли. Если раньше ляхи бесчинствовали, отбирали ценности, то теперь беззастенчиво забирали у прохожих тулупы и шапки.

Народ возмущался – каково остаться на улице зимой в рубахе и поддёвке, без верхней одежды? Ляхов и так не любили за их драчливость и чванливость, а теперь и вовсе возненавидели. Они сами рыли себе яму, даже не понимая этого. Считали, что у них хватит сил подавить любое недовольство – и это имея всего две тысячи наёмников!

Через неделю после снегопада улицы в столице расчистили, за городом проложили санные пути.

Наум, в доме которого квартировал Андрей, засуетился.

- Чего на печи сидеть? Денег домой никто не принесёт, – сказал он Андрею. – Думаю с обозом за солью идти – цены поднялись. Да завсегда так! Как неурожай али замятня – так в первую очередь дорожают хлеб и соль.

- Ты мне это для чего говоришь?

- Да как же? А обоз кто будет охранять? Мы же с тобой как уговаривались? Моя крыша и харч, а ты, значит, охрану несёшь.

Уговор такой на самом деле был, делать зимой нечего, и Андрей согласился.

- Когда выезжать думаешь?

Наум почесал затылок:

- У меня всего трое саней, а путь неблизкий. Как сговоримся с возчиками, так сразу и тронемся. Пару, а лучше трое саней еще нужно нанять, чтобы не зря ноги бил. Лошадка-то – она больше пяти мешков не потянет. Возничий, груз, снег – это не летом на подводе.

Андрей отправился на торг. Кафтан у него был, но это не одежда для зимы – весь день придётся находиться на морозе. Он купил овчинный тулуп, шапку из лисы, а хорошо подумав – ещё и валенки. Теперь ему никакой мороз не страшен. Вот только в валенках идти удобно и тепло, но удар ногой, случись необходимость, не нанесёшь.

Он подкупил свежего пороха в лавке – явно польского происхождения, у нашего зёрна не такие. Видимо, приворовывали поляки казённое имущество, продавали на сторону.

Дома проверил оба пистолета, наточил нож. Саблю бы ещё, но её не скроешь. На ножи ляхи внимания не обращали – их носили все. А пистолеты под тулуп убрать можно, чтобы в глаза не бросались. У Наума взял топор, наточил его до бритвенной остроты. Лес таким топором рубить плохо, затупится в момент, а для боя накоротке или метнуть в цель – в самый раз. Вот теперь он готов.

И Наум готовился: сала прикупил, сухарей ржанных, в каждую подводу по мешку овса определил для лошадей – всё равно подводы пустые. Горячая вода да крыша над головой только на постоянных дворах, то есть утром и вечером, на ночёвках. А днём подхарчиться салом в самый раз – оно не даст замёрзнуть на морозе.

Через пару дней тронулись в путь. Поляки на заставе увидели пустые сани и останавливать не стали – лень было подходить.

Лошади бежали бодро, только пофыркивали. Морозец лёгкий, по ощущениям – градусов десять, но возникшие заботливо накинули на животных попоны. Себе спокойнее. Простудится лошадь, воз не потянет – только на бойню и сдать. Потому и воду на постоянных дворах грели, давали лошадям пить тёплую.

Едва к исходу второго дня одолели полсотни вёрст, как случилось первое происшествие. Сзади раздались разбойничий посвист, крики.

Андрей обернулся. Обоз догоняли трое верховых, судя по одежде – козаки.

Запорожцы, в зависимости от политических пристрастий их гетманов, были то на польской стороне, то на русской, а то и сами по себе, враждуя при этом со всеми государствами. Но при любом раскладе они занимались грабежами не хуже разбойников. Вот и теперь встреча с ними не предвещала ничего хорошего.

– Наум, опасайся! – крикнул Андрей. Сам он сидел на последних санях, а Наум – через сани от него, почти в середине обоза.

Андрей достал пистолеты, взвёл курки и накрыл их рогожей. Топор лежал рядом, прикрытый полкой тулупа – даже руку тянуть не надо.

Стоит ли говорить, что верховые быстро догнали обоз?

Андрей заметил, как козаки вытянули сабли из ножен. Подводы пустые, товара нет, однако у купца деньги на покупку соли. А козаки – народ тёртый, для них пустой обоз даже лучше. Товар-то поди ещё продай – с деньгами проще.

– Стой, хлопчики!

Один из козаков сразу направил своего коня к голове обоза – купцы обычно занимают место там. Двое остановили коней в середине, жадными глазами осмотрели сани. Товара не было. Да они издалека это видели, просто убедиться хотели.

– Кто купец?

Наум медлил. Отдать деньги – значит остаться без товара.

И тут Андрей подал голос:

- Ну я!

Лучше принять удар на себя. Козак спрыгнул с лошади и направился к Андрею. Физиономия его не сулила добра: глаза были зло прищурены, на губах – кривая ухмылка.

- А вот мы сейчас посмотрим, что ты за купец!

К слову сказать, отличить по одежде Андрея от Наума было невозможно – такой же тулуп, шапка и валенки.

- Деньги сам отдашь или помучиться хочешь?

- Сам отдам. – Андрей расстегнул полушубок.

Козак думал, что купец сопротивляться начнёт, отговариваться, что денег нет, и даже заулыбался, расслабился. Андрей же выхватил из-за пояса пистолет и с пяти шагов выстрелил козаку в грудь.

Клуб сизого дыма закрыл козака, а когда он поднялся, козак лежал на спине. Он силился ещё что-то сказать, но изо рта текла кровь. Лицо на глазах бледнело – жизнь с каждой секундой покидала козака.

Грохот выстрела, неожиданный для возничих и козаков, на мгновение ввёл всех в ступор.

Тем временем, придя в себя, к нему скакал второй козак, замахиваясь саблей. Андрей схватил второй пистолет, лежащий на санях под рогожкой. Тело козака было закрыто лошадиной мордой, а в голову, да ещё на скаку, попасть было трудно.

Андрей вскинул пистолет и выстрелил в голову коню. Против всадника пешему сражаться трудно, а коли козак без коня останется, шанс есть.

Конь пролетел по инерции пару метров, передние ноги его подогнулись, и он завалился на бок, придавив козаку ногу.

Всё, пистолеты разряжены. Андрей схватил с саней топор – теперь это единственное оружие. А от головы обоза уже гнал коня последний из козаков. Он не видел, что произошло, только слышал выстрелы, однако понял, что дело плохо: двое его товарищей убиты или ранены, а обидчик их жив.

Когда прозвучали выстрелы, один из возничих успел вытянуть из саней запасную оглоблю. Летом в подводе их никто не возил, а зимой брали одну на весь обоз. В холода да после дождливой осени древесина в лесу влажная, ни на костёр не годна, ни для того, чтобы из неё оглоблю сделать. Вот возчик и успел сунуть её под ноги жеребцу. И как только исхитрился, в последнее мгновение. Ещё бы доля секунды – и конь проскакал бы мимо. Только споткнулся конь об оглоблю и перекувыркнулся через голову.

Андрей кинулся к козаку, которого придавила лошадь. Да не к дальнему, а к тому, под которым лошадь убита. Тот стонал, но ногу из-под лошадиной туши успел наполовину вытянуть. Андрей тюкнул его по голове топором, утихомирил навсегда, и бегом кинулся к другому козаку.

Конь, которого возничий сбил оглоблей, уже неловко поднялся; козак тоже шевелиться стал. Кабы не снег, смягчивший удар, он себе все рёбра переломал бы, а то бы и шею свернул. Но

шок от сильного удара ещё был – козак бессмысленно таращил глаза. Чёртовы валенки, бежать в них по снегу одно мучение!

Козак успел сесть и уже слепо шарил вокруг себя в поисках сабли.

Однако Андрей в доли секунды оказался рядом. Отшвырнув саблю валенком, приставил к шее козака нож. Козак, хоть и не в себе был, замер, и только глаза ещё больше округлились и стали чумными.

- Хоть немного соображаешь?

- С трудом. Ударился сильно.

- Я тебя не гнал. Сколько вас было?

Вопрос важный – втроём козаки за Москву не забрались бы.

- Сотня.

- Остальные где?

- По деревням шарят. Пожрать да выпить ищут, да денег.

- С поляками пришли?

- С ними. Денег они обещали, да не дали.

Времени не было, надо было уходить. Андрей и этого козака зарубил, ударив топором по шее. Возничие только ахнули – они с ужасом наблюдали за происходящим со стороны.

Андрей обыскал убитого, снял пояс с ножнами и сунул туда саблю – пригодится ещё оружие. Козацкий конь стоял рядом, только переднюю ногу слегка поджимал, не наступая на неё, видимо повредил.

Андрей обернулся к возничему:

- Сними с коня седло и сбрую, положи в сани.

Он собрал с козаков сабли и сунул их под сено в розвальни.

- Чего рты раззявили? С мёртвого коня сбрую снимайте.

- А с этого?

Конь козака, убитого выстрелом в грудь, спокойно стоял в сторонке.

- Я на нём поеду.

Андрей достал из кармана ржаной сухарь, подошёл к коню и протянул сухарь ему. Конь понюхал угощение, осторожно взял сухарь мягкими губами и захрустел.

- Уже лучше, почти познакомились, – подал голос Наум. – Тела убитых в сторонку оттащите да снежком закидайте. Шустро!

Возничие потащили убитых к леску, а Наум подошёл к Андрею:

- Думал, плакали мои денежки. А без них – только домой возвращаться.
- Отбились. Ты возничего поблагодари, что помог вовремя – оглоблю под ноги коню сунул.
- Арсений это. Сметливый мужик.
- Копейку лишнюю дай ему, не жлобись. А то неизвестно ещё, как всё повернулось бы.
- Не забуду. Эй, вы там! Скорее!

Возничие вернулись к обозу. Теперь о схватке напоминал лишь труп коня.

- С этим-то что делать? – указал на хромого коня один из возничих.
- Пусть стоит. Далеко не уйдёт, а хромой – кому он нужен?

Обоз тронулся.

Пальцы у Андрея мелко тряслись, отходили после выброса адреналина. То, что он устоял один против троих козаков – везение. Это не разбойники. Выучка есть, сноровка, боевой опыт. И наглости хоть отбавляй. Самоуверенность их сгубила.

За остаток дня отъехали прилично – вёрст десять. Заночевали на постоялом дворе – перед ним Наум остановил обоз.

- Кто откроет рот насчёт козаков – сам удавлю, – предупредил он. – Козаки своих искать будут. Хотите домой вернуться живыми – молчите ради Христа.

Возничие дружно кивнули – вернуться домой хотели все. Поездка только началась, и ещё неизвестно, как закончится. Путь долог, всякое может случиться.

В трапезной купец, на радостях, что деньги сохранил, угощение выставил – похлёбки целый котелок да жареного поросёнка и пирогов. Зная прижимистость Наума, Андрей удивился – как это он расщедрился?

Однако же угощение пришлось по вкусу: готовили на постоялом дворе отменно, и кости поросёнка обглодали едва ли не до зеркального блеска.

Потом отправились спать. Возничие – в людскую, там многолюдно, но дёшево, зато тепло. А сам купец с Андреем – в комнату на втором этаже. Купец снял её для себя, но Андрей был охранником, а Наум боялся за деньги. Только в комнате Наум спал на кровати, а Андрей – на широкой скамье.

Утром, пока возничие приводили лошадей в порядок – почистили, проверили подковы, накормили-напоили, – Андрей зарядил пистолеты. Да и холодного оружия, лежавшего на снях, теперь было полно.

Плотно позавтракав, они тронулись в путь. За сотню вёрст от столицы о поляках да козаках только слухи бродили, живьём никто их не видел.

Через два дня поднялся низовой ветер, началась позёмка, и возничие посоветовали Науму остановиться на постоялом дворе.

- Полдень только, – упорствовал купец.

- Буря скоро будет, буран - и так уже санный путь переметает. Заблудимся и замёрзнем.

Скрепя сердце Наум согласился. Возничие опытные, попусту говорить не будут.

Ближайший постоялый двор был почти полностью занят. В людской едва место для возничих нашлось, и комнатку лишь малюсенькую удалось снять.

Наум возмутился сперва.

- Меня, купца, - и в такой угол определил! - наступал он на хозяина.

Тот лениво зевнул:

- Не хочешь - не бери. К вечеру буран будет, дня два, должно, продлится. Вскорости за этот угол цена вдвое будет, уехать никто не сможет. На полу в трапезной спать за удачу почитать будут.

Купец побурчал для приличия, но комнату взял.

И в самом деле, на постоялый двор заезжали обозы. От крыльца уже и ворот не было видно из-за падающего снега. Да не мягкие снежинки летели, а колючие, лицо секли до крови.

В конюшню уже по две лошади в денники ставили - не оставлять же коней на улице.

Народу с каждым часом прибавлялось, люди занимали свободные места уже в коридорах. Все хотели поближе к печке, а по коридорам гуляли сквозняки. Теперь Наум радовался, что успел снять хоть такую комнатку. Спать в коридоре, как другим пришлось, ему не хотелось. И ладно бы, на одну ночь, а то ведь хозяин обещал на два-три дня. Врёт, поди, шельма!

Но буря действительно продолжалась три дня. И как только хозяин угадал? Прислуга с ног сбилась. Народу много, на кухне еду приготовить надо и на столы принести. Съедалось всё быстро. Едва успев поесть, тут же уступали место за столом другим. Хоть и тесно было и прислуге приходилось поворачиваться, хозяин потирал руки - деньги к нему в калиту сыпались потоком.

Внезапно вспыхнула драка. Двое купцов, каждый при помощи возчиков, не поделили стол. Сначала возникла словесная перепалка, потом стали друг дружку таскать за волосы, не трогая бороды. То уже совсем обида, за неё виру платить надо. Затем зуботычины пошли.

Возничие тоже в драку полезли.

Вмешались хозяин с вышибалой - здоровым амбалом, и начали растаскивать дерущихся. Но то ли амбал переусердствовал, то ли извечная непонятная солидарность сработала, но обе дерущиеся группы переключились на хозяина и вышибалу. Трактирщик уже и не рад был, что вмешался.

Андрей наблюдал за побоищем с лестницы второго этажа - они сами успели поесть спокойно.

На помощь хозяину прибежала прислуга.

Драка грозила перерасти во всеобщую битву с пострадавшими, битьём посуды и разрушением мебели, но тут Андрей достал пистолет и выстрелил в потолок. Лестницу затянуло дымом, запахло серой.

Выстрел драку прервал, все застыли на месте, а Андрей уже вытащил из-за пояса второй пистолет.

- Клянусь, если кто-то сейчас продолжит драку - застрелю на месте. Вышибала, обоих купцов вытолкай на улицу и дверь за ними запри, пусть остынут на морозе. Как помирятся,пустишь.

Получив неожиданную поддержку, амбал схватил обоих купцов за ворот тулупов, вытолкал на крыльцо и закрыл дверь на засов.

Возничи побрели в людскую, с опаской поглядывая на Андрея. Массовой драки удалось избежать, и мебель осталась целой.

К Андрею подошёл хозяин, левая щека его вздулась от удара.

- Шпашибо, - прошамкал он, - обедать жа мой счёт будешь.

Да для Андрея это неважно, всё равно на довольствии у купца.

Пока он шёл по коридору к комнатухе, постояльцы перед ним уважительно расступались. Последствия драки могли быть очень печальными - и не только из-за травм и увечий. На помощь хозяину могли прибежать повара. Не уследишь за печью - а их на кухне две, стрельнёт уголёк на пол - быть пожару. Рядом с жилым домом конюшня, амбары - и всё деревянное, займётся огнём - не потушить.

Андрей чертыхнулся. Пороха и свинца для пуль не так много, чтобы их тратить на драки.

Буран улёгся. Самые нетерпеливые тут же стали запрягать лошадей в сани и выехали со двора. Сугробы намело лошадям по брюхо, и санного пути вовсе нет, снежная целина. Ехать по такой - только лошадей мучить, и потому Наум решил повременить до завтрашнего утра - пусть проезжающие след пробьют.

Всё же утром они выехали. Санные следы уже в трёх направлениях от постоялого двора шли.

К вечеру добрались до замёрзшей Волги. Дальше уже было проще. На льду снежный покров небольшой, снег на реках ветром сдувает. И ехать удобно: лёд ровный, не заблудишься. Одно плохо - в полынью или промоину угодить можно, потому смотреть за санным следом надо и к берегу близко не подъезжать - там лёд тоньше всего.

По Двине добрались до Сольвычегодска. А там купцов уже полно, со всех волостей. Соль - товар ходовой. Солевары круглый год работают не покладая рук. Товар летом судами забирают, зимой - обозами, а в распутицу, осенью и весной, солевары на амбар работают. Только запасы быстро разбирают, когда у купцов возможность приехать случается. Цена на соль не падала никогда, все смуты, неурожаи только спрос увеличивали.

Соль не только на стол нужна - как без неё рыбу засолить, капусту заквасить, шкуры выделать? Даже сало без соли долго не улежит. Потому купцы соль смело брали и никогда в проигрыше не были. Наум сюда и раньше наведывался - знакомцы были.

За час они загрузились и тут же отправились в обратный путь. Наум рассчитывал к январю, до сильных морозов, вернуться.

Добрались без приключений. Соль Наум сдал оптом, отдохнули дома неделю, и новый поход - в Нижний Новгород. Зимой на торгу там охотники со многих заимок собираются, мех оптом

дешевле купить можно. Зимний мех всегда выше летнего ценился, у него подшёрсток густой, греет лучше.

Отправились на четырёх санях. Шкурки – товар лёгкий и дорогой, на одних санях целое состояние под рогожей прячется.

Санный путь сначала пролегал по земле, потом на Волгу вышли. Тут движение оживлённое: не успел скрыться из виду один обоз, как вдаль уже виден другой. Нижегородская ярмарка славится не только на Руси – тут из самых дальних уголков купца встретить можно. И литвины, и немцы, и татары, и малороссы – и даже персы.

Купец научил Андрея выбирать качественные шкурки: мездру осмотреть, подшёрсток, на что обращать внимание. Андрей слушал и смотрел с интересом. Вроде и не купец он, а в жизни пригодиться может, знания за плечами не носить.

На ярмарке ему случай интересный запомнился. Татарин приценивался к овчинным тулупам, цену хотел сбить. И выделка-де плохая, и нитки гнилые. Мастеровой слушал-слушал и не на шутку разозлился:

- Глаза разуй! Где ты плохое видишь? Нитки гнилые?

Ремесленник бросил тулуп на снег, наступил на него ногами и дёрнул рукав изо всей силы. А уж силой скорняка Бог не обидел. Затрепал тулуп, и рукав оторвался. Да только не по ниткам разрыв прошёл – те выдержали, разрыв прошёл по самой цельной овчине.

Татарин попытался в толпу затереться, да окружающие не дали, вытолкали в круг, к скорняку. Кричать стали:

- Опозорить мастера хотел? За тулуп плати полную цену, да за доброе имя, что опорочить желал!

Пришлось татарину полновесным серебром платить. Репутация мастера дорого стоила, впрочем, как и купца.

Глава 4. Конец самозванца

После Нижнего Новгорода Наум с обозом, правда в двое саней всего, наведался в Рязань, за кружевами. Вместе с ним в торговых походах был и Андрей. Всё равно в Москве ему делать было нечего, а так – хоть разомнётся, мир посмотрит. Только до самой Рязани они не добрались, на рязанской земле кружева плетёные купили.

- Неуж товар ходовой? – спросил Андрей у Наума вечером.

- В любые времена, даже тяжёлые, бабы красивыми быть хотят. Украшения покупать будут, одежду. Причём секрет открою, поскольку ты мне не конкурент: на мелочовке иногда денег больше заработать можно, чем на товаре большом и нужном – той же соли. И зерно в любые времена покупать будут, ибо без хлеба на столе сытым не будешь. Но, говорят, в Синде далёком хлеба не знают, сарацинское зерно едят. И сыты бывают.

Вернулись домой они уже в начале марта. Солнце пригревать стало, снег просел, стал тяжёлым.

- Всё, до весны на печи лежать будем – пока снег не стает да дороги не просохнут, – заявил

Наум. Насчёт печи он, конечно, для красного словца сказал – сам целыми днями на торгу пропадал, товар понемногу распродал. Деньги – они ведь оборот любят.

Андрей же направился к священнику церкви Святого Антипия в Колымажном переулке. Это там он осенью на паперти стоял, и священник через предводителя попрошаек предупредил его о поляках. Надо было познакомиться с человеком. Во-первых, поблагодарить, а во-вторых – постараться в доверие войти. Наверняка у него среди поляков или в самом Кремле знакомства есть, иначе как бы он узнал, что юродивого ищут?

По Варварке и Ленивке Андрей вышел к Конюшенному переулку. Одет он был хорошо и на попрошайку или юродивого не походил совсем. На паперти были знакомые лица, только его никто не узнал.

Андрей подошёл к предводителю попрошаек и бросил в его шапку алтын.

- Спаси и сохрани тебя, доброго здоровья! – заученно пробормотал нищий.

- Глаза подними! Али не узнаёшь старого знакомца? – молвил Андрей.

Нищий поднял голову.

- Вроде лицо знакомое, да что-то не признаю, – неуверенно пробормотал он.

- Неуж так изменился? Юродивый я, мы с тобой отношения выясняли.

- Вспомнил! Как есть ты! Только одежа на тебе другая была. А ноне ты прям как купец первостатейный, не узнать.

- Клад нашёл! – усмехнулся Андрей. – А ты всё стоишь?

- Куда деваться?

- Ой, не ври мне! За подаяния можно и одеться поприличней, и мясо каждый день вкушать.

- Пост ведь Великий, грех-то какой!

- Ври больше! Хотя лгать – оно тоже грех. Просто в хорошую одежду облачишься – никто не то что копейки, полушки не подаст.

- Если сам знаешь, зачем спрашиваешь?

- Помнишь, ты меня о поляках предупредил?

- Не помню, – неуверенно ответил нищий и отвёл глаза.

- Кто тебе о поляках сказал?

- Запомнил я.

- Смертоубийство – грех, тем более в пост. Убивать я тебя не буду, но побью сильно, ежели не скажешь. Ты меня знаешь, пообещал – сделаю.

Видя, что прилично одетый сударь долго разговаривает с предводителем, к ним потихоньку подтянулись нищие.

- Брысь отседа, босота! - цыкнул на них Андрей.

Предводитель тоже руками замахал - нечего слушать чужие разговоры.

- Батюшка мне сказал, именем Матвей.

- Он сегодня служит?

- В храме.

- Проводи и познакомь, - жёстко произнёс Андрей, пресекая даже малейшую попытку юлить и отнекиваться.

Предводитель вздохнул, подобрал с паперти шапку с монетами и сунул её за пазуху.

- Идём. Только я сам сначала с ним поговорю. Ежели сладится - тебя позову.

- Идёт.

В храм они вошли вдвоём. Андрей перекрестился, шапку в руке держал. Предводитель завистливо на неё покосился. На паперти такую не наденешь, хоть и тепло в ней - нищие и попрошайки всё время страдали от холода, ветра и дождя. От каменной паперти даже летом мёрзли ноги.

К своему стыду, внутри этой церкви Андрей раньше никогда не бывал и сейчас, войдя, с интересом оглядывался. А предводитель ушёл вперёд, к иконостасу, да и исчез из вида. Храм старый, намоленный, ладаном и свечами пахнет. Со всех сторон, с икон, глядят лики святых - прямо в душу заглядывают.

Андрей загляделся на иконы и не заметил, как подошёл предводитель нищих, а вместе с ним - и батюшка.

- День добрый, муж! Мне сказали, ты искал со мной встречи?

- Здравствуйте, батюшка. Искал.

Предводитель тут же исчез. Он правильно рассудил: меньше знаешь - лучше спишь.

- Пойдём поговорим.

Священник отвёл его в маленькую комнату в приделе.

- Садись, побеседуем - если есть о чём. Только сначала ответь мне на вопрос. Ты ведь вроде в обличье юродивого был?

- Случилось. Иногда народ юродивому больше верит, чем боярам или царю, особенно если он самозванец.

- Лицедействовал, значит?

- Можно и так сказать. За страну обидно.

- Похвально. Я ведь Отрепьева несколько лет знаю, он тогда простым монахом был. Никаких он

не царских кровей, мелкий человечиска, обуреваемый страстью к власти, к богатству. И ладно, если бы он на самом деле был из царского рода – пусть и далёкий родственник. Грех это! Всю Русь в обман ввёл.

- Согласен, потому и делал, что мог, что в моих силах было. Зерно недоверия хотел посеять. А за предупреждение спасибо. Очень своевременно! Иначе бы я к полякам в лапы попал.

- Ты православный ли?

Вместо ответа Андрей вытянул из-за ворота цепочку с крестиком.

- Тут ведь не только вопрос власти, но и веры. Его ляхи поддерживают, а они веры римской.

- Католики. Ты знаешь, что самозванец по весне жениться хочет?

- Да, на католичке. Мариной зовут.

- Во-во, Мнишек её фамилия. Дочь воеводы Юрия. В конце апреля прибудет.

- Ты много знаешь. Не простой ты юродивый! – усмехнулся священник.

- Да и ты не так прост, батюшка.

- С чего ты взял?

- О поляках предупредил вовремя, стало быть – связи есть.

- Хм! Умён, коли догадался.

- Хорошо такого осведомителя иметь. Только сомневаюсь, что это поляк. Ляхи католики и в православный храм не пойдут.

- И тут угадал.

- Подожди, дай подумать.

Андрей прикинул:

- Козак.

Батюшка восхитился:

- Неужто сам додумался? Как?

- Насчёт ляхов ты понял, а кто ещё, кроме поляков, знал о юродивом? Их союзники – козаки.

- Тоже наёмники. И я не исключаю, что часть из них католическую веру приняла, а этот – православный, и в храм к тебе ходит.

- Логично. Знаешь, что это слово обозначает?

- Знаю. Козака отдашь?

- А это как понять?

- Познакомь. Мне полезен может быть.
- Да ты кто таков? Не много ли на себя берёшь? - взъярился батюшка.
- А говорят - священники не волнуются, всегда спокойны. Врут, наверное.

Священник остыл.

- Похоже - не один ты! Кто за тобой?
- Сильные люди, не хотят они самозванца на троне видеть. Да и не в этом главное. За веру они боятся. Наша вера от отцов, дедов и прадедов пришла, как ей изменить?
- Истинные слова слышу! Наконец-то о вере заговорил! А то всё царь да самозванец... Церковь Отрепьеву цену знает - грош в базарный день. Для веры нашей угроза!
- Вот и я о том же. Одно дело делаем. Только бояре да князья ещё и о стране думают. Отрепьев страну на куски порвёт, лучшие земли полякам отдаст. А землю-то самодержцы наши веками собирали!

Священник пристально всмотрелся в Андрея:

- Правду ли ты сказал? Можно ли тебе верить?
- Всё правда. Больно видеть, как поляки по Москве да по Кремлю ходят, как по своей земле. А самозванец хуже предателя. Грешно в церкви да в Пост Великий говорить об этом, но он смерти заслуживает.
- Бог рассудит! А с козаком поговорю я. Согласится ли помогать - не ведаю.
- Только обо мне пока ни слова.
- Понимаю. А скажи-ка, большая ли сила за тобой?
- Я мелкая сошка, воин. Но недовольных много. Думаю, самозванцу недолго осталось.
- Твои бы слова - да Богу в уши. Большое испытание он рабам своим послал. Только думаю, не всю правду ты мне сказал. Не простой ты воин, для простого знаешь много.
- Батюшка, я сказал, что мог.
- Хорошо. Загляни ко мне через седмицу. Бог тебе в помощь!

Перекрестившись на образа, Андрей вышел. Не ошибся он, священник имеет в Кремле неплохого осведомителя. Только закавыка одна есть. Несмотря на то, что он обладает кое-какой информацией, пользы от неё нет. Информация ведь только тогда полезна, когда даёт пищу для анализа и последующих действий. А за священником силы нет. Это как парализованный человек: мозг работает, а руки-ноги не действуют.

Если информацию собирать из разных источников, может сложиться цельная картина, тогда и предпринять что-то дельное возможно, ударить в уязвимое место. Среди боярства много выжидающих, приценивающихся к власти.

Самозванец, придя к власти, сделал разумный ход - практически никого не казнил, не

устраивал массовых казней. В ссылки неугодных отправлял – да, это было. Тем самым боярство от себя не оттолкнул, а за ними – деньги, люди. Стало быть, умён, да и советчики грамотные нашлись. На Руси всегда были противоборствующие боярские роды, стремящиеся встать поближе к трону. Близость к самодержцу – это чины, должности, власть, неплохие доходы. Но ни один род дворянский надолго не возвышался. И цари не вечны – к тому же жёны их то умирали, то они сами их в монастырь ссылали. А раз царица другая, то и родственники её к трону приближались, сменяя прежних фаворитов.

Роды по-мелкому друг другу пакостили – оговаривали перед царём, принижали деяния. Иногда это приводило к опале, и даже земли, ранее дарованные, могли отбираться. Но на жизнь не посягали. Сегодня один род приближен, завтра – другой. А если казни учинять, так и родов на Руси не останется.

Поэтому к самозванцу присматривались, но отторжения, неприятия, лютой ненависти он пока не вызывал. Впрочем, если бы бояре знали о том, что он задумал, они бы организовали ему отпор значительно раньше. Но не обладали они всей полнотой информации, жили сегодняшним днём. У русского человека в те годы была одна опора, один стержень – вера православная и десять заповедей. И посягательство самозванца на святое для народа ему бы не простили. Но пока о планах, да и то не обо всех, знал очень узкий круг лиц – не считая ближнего окружения самозванца.

Неделя прошла в ожидании. Чтобы занять себя чем-то, Андрей помогал Науму: грузил товар из амбара, помогал его раскладывать в лавке, и даже поторговать успел, правда – под приглядом Наума. Купец товар оптом скорнякам не отдал, торговал шкурками сам – так получалось выгоднее. Торговля – дело хитрое. Там копейку сэкономил, в другом месте дешевле купил, глядишь – прибыль появилась. Не научишься считать выгоду – прогоришь.

Через седмицу, как и уговаривались, Андрей поднимался по ступенькам храма. Предводителю нищих, стоящему на паперти, бросил несколько копеек. Тот улыбнулся:

– Всё сладилось?

Андрей кивнул.

Священник вёл службу, в церкви было многолюдно.

Ждать пришлось недолго, но он так и рассчитывал – прийти к окончанию. Пока сам на паперти стоял, расписание служб выучил.

Дождавшись, пока прихожане выйдут, подошёл к приделу.

– Заходи, сын человеческий.

– Доброго здравия, отец Матвей!

– Вовремя. Только вчера с нужным тебе человеком виделся. Он не против встречи. Завтра здесь, у меня, в пять часов пополудни.

– Вот спасибо!

– Не благодари. Одно дело делаем, Веру и Русь спасаем от порождения дьявола.

- Ты о самозванце?

- А о ком же ещё? Ты не смотри, что у него рогов и копыт нет и серой от него не пахнет. Без проделок дьявола тут не обошлось.

- Хочешь сказать, что ему в могилу осиновый кол вбить надо?

- Не помешает.

Священник говорил на полном серьёзе и нисколько не подвергал сомнению тот факт, что самозванца надо убить. Хотя в Нагорной проповеди говорилось: «Не укради, не убий, не возжелай жены ближнего своего» - и много ещё чего.

На следующий день, прямо с торга Андрей заявился в храм. В церкви было пустынно, до вечерней службы было ещё время.

Он прошёл в придел, постучался в дверь. За ней слышался разговор, довольно невнятный.

Открыл дверь сам отец Матвей.

- Вовремя, заходи.

- Здравствуйте.

На скамье сидел козак - с чупруном на голове, в необъятных шароварах, в бекеше; козачий длинный колпак он крутил в руках.

- Знакомьтесь. Григорий. А это - Мыкола.

Мужчины пожали друг другу руки.

- Я вас оставлю. - Священник удалился.

Повисла напряжённая тишина.

Андрей кашлянул:

- Ты вроде из козаков, что с поляками пришли?

- Я не «вроде», я есаул козачий! - горделиво выпятил грудь козак.

Ну да, самомнения ему не занимать.

- Пусть так. Думаю, мы оба можем быть друг другу полезны.

- Хотелось бы знать - в чём?

- Надеюсь, ты понимаешь, что самозванец в Кремле сидит непрочно? Как только его с трона скинут - а это произойдёт непременно, - возьмутся за поляков и козаков. Вряд ли кто живым из города уйдёт.

- За нами сила! - горделиво сказал козак.

- Есаул, брось, не на Лобном месте стоишь. У князей да бояр в Подмоскovie воинов опытных хватит. Русские запрягают долго, зато ездят быстро.

Есаул держал себя чванливо, смотрел свысока, и разговор пошёл как-то не так.

- Ошибаешься! Царь Дмитрий весной на полячке женится, король шляхту с воинами пришлёт.

- Король Сигизмунд зол на Дмитрия, спит и видит, как бы самозванца скинуть. И воинов не даст. Знаю, хочешь сказать, что воевода Мнишек, отец невесты, приведёт с собой наёмников.

- Ты много знаешь для простолюдина.

- А кто тебе сказал, что я простолюдин?

Козак немного стушевался - он судил по одежде. А на Андрее - ни шубы дорогой, ни шапки, ни украшений вроде перстней или золотых цепей.

- Ага, понял, внимание привлечь не хочешь. А я сдуру имя своё тебе назвал.

- Так и я имя своё сказал - но не фамилию и не чин, - слукавил Андрей.

Гордыня с козака слетела. Кто перед ним - неизвестно. Для простолюдина умён и знает то, о чём осведомлены немногие, практически - только люди, приближённые к самозванцу. Поэтому с ним надо держать ухо востро - вдруг человек ещё пригодится?

- Что предлагаешь?

- Денег не дам. Ты за деньги сочинишь всё, что в голову взбредёт.

Козак недовольно засопел.

- Есаулу не веришь?

- Ноне люди и повыше чином самозванцу с потрохами продались, только как потом своим детям в глаза смотреть будут? Опозорят свой род. А тебе за помощь предлагаю жизнь. Согласись, это самое дорогое, что у тебя есть.

Есаул посидел в раздумье, понурив голову, и вроде случайно взялся за рукоять сабли.

- И не думай!

Он поднял голову: прямо в лицо ему смотрел ствол пистолета.

С этого момента козак ещё больше укрепился во мнении, что перед ним не простолюдин. Те носили кастеты, ножи, топоры - но никак не пистолеты.

- Хорошо, согласен, - выдавил он. - Если что интересное узнаю - как тебя найти?

- Искать не надо. Передай батюшке Матвею, что видеть меня хочешь, а на другой день и приходи - в это же время.

- Устраивает, - вздохнул козак.

- По мелочам не дёргайся. Ну, удачи тебе, есаул.

Хоть и с гонором, но козак согласился на сотрудничество. Ничего, ещё спасибо говорить будет, что согласился.

Из храма Андрей направился к дому Голицына – вдруг новости интересные есть? Однако слуга его дальше ворот не пустил.

– Князь в нетях. Куды уехал – не знаю, – ответил он на вопрос Андрея.

– И давно его нет?

– С утра.

Стало быть, князь в городе.

Пришла весна. Дороги за городом развезло, а московские улицы покрывал слой снега, перемешанный с водой. Прохожие жались к домам, но проезжающие кибитки, повозки и кареты всё равно обрызгивали их водой.

Потом набухли почки на деревьях, снег моментом сошёл и прилетели перелётные птицы.

Через батюшку Матвея Андрей изредка получал записки, написанные корявым почерком, где иногда сообщались пароли для беспрепятственного выезда через польские заставы. Но на встречу есаул его не приглашал.

Однако в середине апреля, когда Андрей пришёл в храм, батюшка отозвал его в сторонку и огляделся вокруг:

– Известный тебе человек срочно хочет увидеться с тобой.

– Где и когда?

– Сегодня же. Он после пяти часов будет.

– И я буду.

Неужели есаул узнал нечто важное? Андрей набрался терпения. Два месяца козак ничего существенного не сообщал, подождём ещё три часа.

Андрей подоспел немного раньше, и перед ним на ступени поднялся есаул.

– Мыкола! – окликнул его Андрей.

Козачий есаул обернулся, узнал Андрея и спустился.

– Пойдём, друже, пройдемся, разговор есть.

Они прошли в ближайший переулок. Есаул огляделся по сторонам, хотя в этом не было необходимости – переулок был пуст.

– Из Польши выехали Марина, царская невеста, и её отец, Юрий. С ними несколько сотен воинов, сколько – не знаю. И обоз большой. Вроде как в конце апреля обещают быть.

– Ещё что?

– Не знаю. Нам, козакам, поляки не очень доверяют. Балакают по-своему, а как подходим – замолкают. Случайно разговор подслушал.

- Спасибо, сведения полезные. Похоже, события начинают разворачиваться. Где тебя можно найти в случае нужды?

Есаул помялся:

- У Арбатских ворот - у нас там застава. Но только в крайнем случае.

- Думаю, такой случай вскорости представится. Постарайся после приезда Мнишеков надолго с заставы не отлучаться.

- Мне ведь приказать могут, дело военное, а я служивый.

- Понял.

Мужчины пожали друг другу руки. Теперь, в эту встречу, есаул вёл себя просто и естественно, без гордыни. Небось от поляков нахватался дурных манер.

Сразу после встречи Андрей направился к Голицыну.

На этот раз князь оказался во дворце, однако слуга проводил Андрея только до кабинета.

- Сейчас князь занят, обождём.

- Не князя ли у него?

- Допустим. - Слуга посмотрел подозрительно. И в самом деле, откуда Андрею знать? Коней с богатой упряжью или колясок на переднем дворе не было.

- А ты скажи князю, мол, Григорий пришёл с важными известиями. Глядишь - и войти позволит.

- Тебе - к князьям? Да меня выпорют на конюшне!

- Так если не скажешь, тоже выпорют.

Слуга потоптался, потом обречённо махнул рукой, постучался и вошёл. Послышались голоса, и слуга тут же вышел, вытирая рукавом вмиг вспотевший лоб:

- Заходи! И чем ты люб князю?

Андрей не ответил - он уже вошёл и закрыл за собою дверь.

Как он и ожидал, все трое заговорщиков были здесь, восседая вокруг стола в креслах. На столе стояли кувшин вина и три серебряных кубка.

- Здравствуйте, князья!

- Хм, Григорий! Давненько тебя видно не было. Садись. Али важное что узнал?

Андрей сел на скамью у стены.

- Обоз с обоими Мнишеками уже в пути, к концу апреля будет в Москве. С ними - несколько сот воинов. Сколько - сказать не могу, не знаю.

Князья переглянулись.

- Только что об этом говорили. Похоже, самозванец всерьёз решил жениться. Только нам, дворянству и народу, царица иной веры не нужна. Ты знаешь, что невеста требует провести обряд по католическому канону?

- Пока не ведаю.

- Нам это на руку, народ православный и Церковь сей манир не примут.

Голицын обратился к Шуйскому:

- Тебе не кажется, князь, что надо силы к Москве выдвигать?

- К Первопрестольной идут псковичи и новгородцы. Правда, самозванец хотел их на Крым направить. Через две недели они будут здесь. Только он строго-настрога приказал в город их не вводить, видать, боится. Требуется, чтобы в окрестных деревнях для отдыха разместились.

- Их и используем, - вставил Куракин.

- Э! Ведь заставы на всех дорогах! Тропинками пройти можно, но они узкие, не для войска.

- Разве такую силу заставы удержат? Сомнём!

- Шумно получится. Да пока драться будут, гонца к наёмникам послать успеют.

- Князя, позвольте слово молвить.

Похоже, об Андрее князя забыли.

- У меня есаул козачий есть, надо с ним переговорить. Он главный на заставе. Если согласится, пропустит войско.

- Наш пострел везде поспел! Продолжай.

- Денег я ему не обещал, но жизнь сохранить - это обязательно.

- Условие принимаем - так ему и передай. Он пропустит наших и пусть сразу уходит верхами от беды. Мы-то его не тронем, но представляешь, что будет, когда народ за поляков возьмётся? Он же будет всех без разбора на вилы и ножи поднимать - и ляхов, и козаков. Объясни ему это.

- Завтра же переговорю.

- И нам одной заботой меньше. О деталях переговорим позднее.

- Подождите, - подал голос Шуйский. - А если этот есаул нас продаст? Начнут Григория пытаться - что за войска и зачем в Москву входят? Григорий же пыток не выдержит, а нас на плаху положат, головы полетят.

Наступила тишина - князя осмысливали сказанное. Класть голову на плаху никому не хотелось.

- Не схватят, - заверил Андрей. - Отбиваться буду, лучше в бою погибну!

- Можно подумать, что других не брали! Набросятся внезапно, руки скрутят - что тогда?

- Не выдам, - твёрдо ответил Андрей.

И боязно князьям было, и войска в город желательно ввести тихо, без боя, чтобы поляки да прочие наёмники к отпору приготовиться не успели. Врасплох-то застать куда лучше, потерь меньше. Только и жизнь свою вверить Андрею и неизвестному им есаулу не хотелось. Есаул при всём желании их выдать не сможет - он их не знает. Вот батюшку Матвея может - как и его, Андрея.

Хорошенько поразмыслив, князья дали согласие - тут уж Андрей на их решение повлиять не мог. Сам бы захватил Кремль и самозванца, только войска у него нет. Как говорится - бодливой корове Бог рога не дал.

Следующим же днём Андрей отправился к Арбатским воротам. Улица была перегорожена деревянными рогатками, рядом с ними - пешие козаки, слева - изба для самой заставы.

Андрей подошёл смело.

- Мне бы есаула вашего увидеть.

- Не есаула, а пана есаула!

- Прошу прощения - конечно же, пана!

Что-то быстро козаки переняли обращение на польский манер...

- Иди в избу. Только пан есаул не в духе с утра. Не хочешь под горячую руку попасть - лучше не ходи.

Но Андрей всё-таки пошёл. В полутёмных сенях взвёл курки у обоих пистолетов и прикрыл их полами кафтана.

Причина плохого настроения есаула сразу стала ему понятна, как только он вошёл.

На деревянном столе стояла бутылка мутного самогона, лежал крупно нарезанный кусок сала и краюха пшеничного хлеба. Слышал Андрей, что козаки ржаным хлебом брезгуют - де для смердов он.

Есаул был пьян. Другой вопрос - насколько? Стоит ли с ним говорить в таком состоянии?

- День добрый, пан есаул!

Есаул уставился на Андрея налитыми кровью глазами.

- Ты кто?

- Григорий. Неужто запомнил?

- Выпить хочешь, Григорий?

- Только пригублю, за компанию.

Есаул щедро плеснул из трёхчетвертной бутылки с узким горлом в оловянную кружку.

- Тогда пей! Закусывай салом. Знатное сало, вчера у деревенщины отобрали.

Вот же гады! Андрей сделал пару глотков. Самогон, или, как его называли, – перевар, был тёплым, сильно отдавал сивухой, и пить его было противно. А вот сало и в самом деле оказалось великолепным – в меру солёным, с прослойками мяса.

Андрей съел кусок сала с душистым, свежим куском хлеба.

- Почто пришёл? – Есаул смотрел на него, не мигая, тяжёлым взглядом.

- Соображать способен или мне завтра прийти?

Есаул пьяно икнул:

- Ты с кем говоришь? Сейчас высечь прикажу!

- Не успеешь, застрелю.

Андрей сказал это спокойно, но руку на рукоять пистолета положил.

- Пошутил я, – сразу дал задний ход козак. – Уж и пошутковать нельзя?

- Тогда слушай и больше так не шути. Речь о твоей жизни идёт.

Есаул сразу как-то подобрался и даже вроде протрезвел.

- Что делать надо?

- Как раз ничего. Просто людей через заставу в город втихую пропустишь, и всё.

- Всё?

- После этого берёшь своих людей и уходишь из города. Совсем. Лучше верхами, чтобы подальше уйти.

- Круто! А если у вас не получится, тогда я дезертиром стану со своими людьми?

- Лучше быть дезертиром, чем болтаться на виселице.

- А что, ваши люди не могут глухими тропками пройти? Или, скажем, по воде? Плавают же корабли?

- Есаул, ты действительно пьян или прикидываешься придурком?

- Но-но! – Есаул пьяно погрозил пальцем.

- Ладно, я завтра приду, сейчас ты не в состоянии вести серьёзный разговор.

- Я и завтра таким же буду! – Есаул пьяно захихикал. – Давай ещё по одной выпьем?

Андрей поднялся и вышел, не прощаясь. На улице подошёл к одному из козаков:

- Давно пьёт?

- Второй день. У него это бывает. Теперь неделю пить будет.

- А начальство ежели, командиры нагрянут?

- Вместе пить будут. Тебе-то какая беда? Шёл бы ты отсюда подобра-поздорову.

И в самом деле, чего он прицепился к козаку? Он рядовой, небось сам выпить не прочь и есаулу завидует.

Андрей пришёл на следующее утро. Есаул мучился с похмелья.

- Опять ты? Сгинь! - Есаул поморщился: - Хоть бы пива на опохмел принёс!

- Обойдётся. Ты слушать в состоянии?

- Голова только болит, а слушать могу.

- Помнишь, о чём вчера говорили?

Есаул задумался, отрицательно покачал головой:

- Помню, что ты приходил, что выпили мы с тобой, а потом... А о чём мы говорили?

- Я спрашивал твоего согласия на серьёзное дело. Бросай пить, слушай меня! Довольно скоро надо пропустить через заставу людей, много.

- А как я узнаю, что это твои люди?

- Я сам буду тут.

- Да и пусть идут.

- Ты готовься, с лошадьми будь. Как только они пройдут, сразу уезжай отсюда. Ты меня понял?

- Поляков рубить будете?

- Будем.

- Тогда зачем мне бежать? Я сам их рубить буду, в капусту!

- Тогда зачем вместе с ними пошёл? Поляки всегда Малороссию гнобили.

- Дурак потому что! Поверил твоему Дмитрию. Денег он пообещал за службу, заработать хотел. А жалованья-то нет! И, похоже, не будет, судя по твоей просьбе. А не боишься, что продам тебя?

- Нет. Жертв больше будет с обеих сторон, только и всего.

- И невесту царскую тоже... - Есаул красноречиво провёл большим пальцем по шее.

- Не думаю.

- Ладно, согласен. Скажи своим, пусть рассчитывают на меня и на моих людей.

- Как бы их, людей твоих, сгоряча живота не лишили. Мундиры польские и козачьи народу ненавистны. На вилы поднимают.

- А ты рядом будь. Я тебе помогу, ты - мне. Хочется с ними поквитаться, должок за ляхами есть.

- Договорились. Только о том - никому. Я заранее тебя извещу, когда...

- Всё, уговор дороже денег. Богом клянусь, в рот ни капли не возьму, а то руки уже трясутся.

Андрей облегчённо перевёл дыхание. Ф-ф-у! Удалось хотя бы втолковать есаулу в его похмельную голову, что от него требуется.

Сразу после переговоров с козаком Андрей направился к Голицыну.

Князь выслушал его внимательно, одобрительно кивнул:

- Славно! Без боя, без потерь в Москву войдём. Ещё бы до Кремля пройти незамеченными.

- Вот это навряд! Как можно войску незамеченному пройти?

- Народ-то увидит, конечно. Только вот не поймёт - кто такие и зачем? А от поляков скрытно пройти не удастся. Они, как увидят дружину новгородскую али ещё какую, сразу своим доложат. Внезапности не получится.

- Поляки не все улицы патрулируют. Князь, у меня предложение. Пока есть время, я разужнаю, где поляки ездят или ходят, - может быть, удастся войска поближе к Кремлю подвести? Понятно, что в Кремль дружины без боя не войдут. Там ляхи да немногие стрельцы из преданных самозванцу на воротах стоят. Их разгромить надо будет.

- Это не наша забота, на то воины есть. Наше дело - организовать выступление и провести дружины без потерь до Кремля. Думаю, сразу тремя, а то и четырьмя колоннами. Ежели все одной дорогой пойдут, такую массу людей по-всякому не скроешь.

- Неужто так много?

- Без малого двадцать тысяч - против двух тысяч у самозванца.

- Перевес в десять раз! Не устоит!

- Также полагаем. Однако потери будут, из поляков рубаки неплохие.

Они договорились, что Андрей будет захаживать к князю каждый вечер. А уже назавтра, 2 мая 1606 года, со стороны Коломны в город въезжал свадебный кортеж. Звонили колокола, в городские ворота въехали конные поляки, а за ними - закрытый возок с невестой и её отцом, воеводой Мнишеком. За возком тянулся длинный обоз с прислугой, вещами Марины, в арьергарде - снова ляхи.

Народ стоял на тротуарах и во все глаза смотрел на проезжающую будущую царицу. Многие радостно кричали, другие плевались вслед.

Через несколько дней состоялась свадьба, причём Марина и Юрий Мнишек настояли, чтобы торжество проходило по католическому обряду. Бояре и народ, приглашённые на пиршество, были разочарованы и возмущены. Виданное ли дело, государь венчается как католик! И это в православной стране! Ему бы, беглому монаху, и самому понять всю неуместность происходящего. Чтобы проводить такой обряд, оба вступающих в брак должны быть одного вероисповедания. Стало быть, или Дмитрий должен был отречься от веры православной, или Марина принять православие.

Венчал их католический священник, специально привезённый Юрием Мнишеком из Варшавы. Народ как будто прозрел, начались разговоры, волнения. Масла в огонь подлили пришедшие с Мнишеком ляхские наёмники. Выпив на свадьбе, они стали изгаляться над православной верой и москвичами. Такого святотатства москвичи не потерпели, и уже 14 мая народ стал собираться на улицах и площадях, а наиболее смелые призывали ополчиться на чужеземцев, взяться за вилы и топоры. Те из бояр, что служили самозванцу, попрятались в своих домах, заперли ворота.

Напряжённость в городе нарастала. Самозванец почувствовал, что запахло жареным. Но сил подавить в зародыше начавшиеся народные волнения у него не было. Что могли сделать две тысячи поляков и полтысячи козаков против, по сути, всего города?

Андрей ежедневно посещал князя. Вся княжеская троица собиралась каждодневно. Наконец ему дали указание – идти к заставе у Арбатских ворот.

Для большей скрытности войска решили ввести в город в темноте, под покровом ночи. Ещё до решающего дня Андрей разведал все улицы от Арбата до Кремля. Путь должен был отвечать двум требованиям: быть широким и желательно мощёным. И польские патрули не должны были там появляться. Исключить их вообще было невозможно – мало ли что могло взбрести им в голову?

Андрей, будучи в цейтноте, поступил просто. За небольшие деньги он нанял мальчишек, постоянно толкавшихся на торгу и ищущих, кому помочь поднести покупки за полушку или постеречь товар. Каждый из пацанов отвечал за свой квартал. Вечером они докладывали ему, сколько раз и во сколько по времени появлялись патрули наёмников. За два дня он приблизительно понял схемы обходов ляхов.

Едва Андрей вошёл в комнату, как Шуйский вскричал:

- Ну наконец-то! Заждались мы!

- Как и было уговорено – вечером.

- Войска идут, всё готово. К ним сейчас выезжает князь Иван Семёнович. Ты же, Григорий, направляйся напрямик к своему есаулу. Пропустит – хорошо, а нет – вырубим всех! Сила за нами теперь великая! Настали долгожданные дни! Близок конец самозванца!

Андрей знал, что Голицын и сам успел поучаствовать в боях, продвигая самозванца на трон. Да только тот обидел его, едва не положив на плаху, чем и предрешил заговор.

Андрей кашлянул, привлекая внимание князей. Они уже не обращали на него внимания, обсуждая, кто из них и через какие ворота войдёт в Кремль.

- Судари милостивые! Есаул тоже хочет поучаствовать в изгнании поляков. Дозволите?

- Пуцай! Даже лучше будет, если он во главе первым подъедет к полякам, что въезд в Кремль охраняют. Внимание отвлечёт, да и порубит поганых!

- Так и передам.

- Ступай, время – деньги!

Начало темнеть. Андрей беспокоился: не перевели ли есаула на другой пост, не пьян ли он? На

его счастье, и казачий сотник оказался на месте, и трезв был как стёклышко, только смотрел хмуро.

- С чем пожаловал?

- Время действовать! Ты не передумал?

Есаул подобрел лицом:

- Давно пора. Когда?

- Сегодня. Ещё немного - и к заставе подойдут войска. Предупреди своих, чтобы панику не поднимали и не вздумали применить оружие - даже хвататься за него. Вмиг порубят.

- Ха! Порубят! У меня здесь два десятка опытных рубак!

- Супротив нескольких тысяч? Да ты шутник, есаул. Схарчат и не подавятся!

- Мы же договаривались, что и я со своими людьми поучаствую?

- Всё договорено. Как только голова колонны подойдёт, поедешь впереди. При встрече с польским дозором постарайся их заболтать, пароль назови, а хочешь - руби всех в капусту. Только условие одно.

- Какое? - Глаза есаула в предвкушении сабельной рубки уже хищно горели.

- Чтобы ни один из них не ушёл, своих предупредить не смог.

- Принимается.

- Как войска к Кремлю подойдут - к Спасским воротам, попытайся подъехать спокойно да напади внезапно. Надо, чтобы ляхи ворота закрыть не успели.

- И это сделаю! - Есаул молодецкато огладил усы.

- И личная просьба у меня.

- Сказывай!

- Лошадь бы мне да саблю - сам хочу поучаствовать.

- С саблей проще. Вон в углу стоят пики, и там же - сабли, выбирай. А вот с лошастью хуже. Своего коня подобра ни один козак не отдаст, а заводных нет.

Есаул вышел из избы. Андрей при неверном свете свечи выбрал себе саблю - козачью, видавшую виды, с зазубринами на лезвии. Для одного боя вполне сгодится. Он нацепил ножны на пояс, выхватил саблю и взмахнул ею в воздухе. Из ножен клинок выходил легко. Он вернул саблю в ножны и вышел из избы.

Есаул стоял у рогаток, окружённый козаками.

- Это свой, из москвичей, боярин. Слушаться его, как меня! - распорядился есаул.

Хоть и далековато было до козаков, метров десять, но Андрей сказанное услышал. Боярином он

не был, но разубеждать есаула и козаков не стал – больше уважать будут. Хотя что скрывать – лестно было. Стало быть, сумел внушить сотнику, что не простой он горожанин.

Вскоре послышался глухой шум – к заставе приблизилось большое войско.

- Убрать рогатки, – распорядился есаул.

Козаки растащили в стороны загромождение, освободили проход. Из темноты, на освещённую факелами площадку перед заставой выехал дозор, держа наготове оружие. Из-за них выехал на коне князь Куракин. Андрей подбежал к нему:

- Всё готово, князь, застава наша.

- Передай есаулу – пусть со своими людьми вперёд едет. И ты веди по улицам, что разведал.

- Коня у меня нет, князь.

- Коня проводнику! – распорядился Куракин.

Привели коня. Андрей вскочил в седло.

- Мыкола, едем. Я впереди, ты рядом. Если на польский дозор наткнёмся – руби.

- Слушаюсь!

Козаки вмиг вывели коней, которых до того держали за избой заставы, и взлетели в сёдла. Тронулись.

Андрей и Мыкола ехали бок о бок. Москва уже спала, не светились окна, на улицах было пустынно.

За козаками ехала конница, шли пешцы. Странно и волнующе было ощущать за собой грозную силу в несколько тысяч человек.

До Красной площади добрались без стычек. И тут произошла первая осечка: ворота были заперты, и только по стенам расхаживали караульные. Ни одному из отрядов не удалось проникнуть в Кремль, но все двенадцать ворот были блокированы подошедшими войсками. Видимо, князь Куракин имел на этот счёт указания.

- Никого не впускать и не выпускать! – приказал он. – Птичка в клетке!

Войска привычно расположились на площади, лошадей отвели к Москве-реке. Почти вся небольшая Красная площадь была занята воинами.

В четыре часа утра ударил колокол на Ильинке, у Ильи-пророка на Новгородском дворе, и разом заговорили все московские колокола. Над Москвой поплыл тревожный перезвон, на площади стал собираться народ. Он всё прибывал и прибывал, люди являлись даже с самых дальних улиц. На площади и улицах вокруг Кремля стало тесно. Народ был в гневе, возмущён. Ещё полгода назад самозванца встречали на Москве восторженно, едва ли не боготворили, теперь же кричали:

- Долой поганца! Долой иноземца! Веру Христову предал! Вон из Кремля! Казните его!

Волнение с каждым часом нарастало. Гнев народный требовал выхода, и потому кто-то выкрикнул:

- Бить ляхов до смерти!

Крик был услышан - народ ринулся к заставам и казармам. Встреченных на улицах поляков били палками, кололи вилами, рубили саблями и топорами, вымещая всё зло за многочисленные глумления поляков над народом русским.

Но поляки умирать не хотели и оборонялись до последнего - всё-таки они были воинами опытными и имели оружие. На каждого убитого поляка приходилось по три-пять убитых москвичей.

А на казармы двинулась часть войск - они сошлись в жестокой схватке. Но тут всё решило численное превосходство русских - против одной польской сабли было десять русских.

К полудню все поляки и часть козаков, находившихся вне стен Кремля, были убиты. Но народ только распался.

- Вешать всех, на кол их! - кричали наиболее ретивые.

Иностранцы, проживающие в Немецкой или Кукуевой слободе, попрятались по домам. Никакого отношения к полякам или самозванцу они не имели, но человек в иноземной одежде, появившийся в тот момент на улицах Москвы, вызывал ненависть. Несколько иноземцев было убито: они просто попали под горячую руку, оказавшись на пути разъярённой толпы.

Покончив с ляхами и козаками, которые были в городе, войска приступили к Кремлю. Гарнизон его был малочислен, только для караула и годен, потому оборонять все стены и двенадцать ворот защитники были просто не в состоянии. Охрану на стенах несли поляки, а внутри, в Теремном дворце, находился десяток верных самозванцу стрельцов.

Поднаторевшие в штурмах псковичи и новгородцы забросили на стены «кошки» и влезли по верёвкам. Причём штурмовали Кремль во многих местах сразу.

Сил отбиться у обороняющихся не было. Заметив чужого воина на стене, дозорные бежали к нему. Однако рядом с ним уже появлялся второй, третий пскович или новгородец. Поляки рубились, несли потери, а на подмогу русским лезли всё новые и новые воины. Раненых поляков сбрасывали со стены, и здесь с ними расправлялся простой люд.

Наконец одна из штурмующих групп добралась до ворот. Нападающие сбросили запоры и растворили их. Широким потоком в крепость хлынули воины, а за ними - народ, растекаясь по всему Кремлю. Они нещадно добивали ляхов и открывали другие ворота.

В первую очередь народ бросился по дворцам. Они хватали всё: ценности, подушки, одеяла, ткани - даже мебель - и тащили домой. Начались грабежи.

Андрей, услышав шум из храма, вбежал туда. Один из грабителей прятал под рубаху золотой потир.

- Ты что же это делаешь? - возмутился Андрей.

- Кому Бог дал, а я сам взял, - невозмутимо ответил грабитель.

Андрей хотел его зарубить – храм всё-таки, не царские покои, как в храм вбежали другие и стали срывать с икон драгоценные оклады и забирать чаши.

Андрей плюнул с досады и выбежал на площадь. Всех не перерубишь, не перевоспитаешь.

Оставаясь верным самозванцу, на Красном крыльце двора стоял Пётр Басманов. Он уговаривал народ успокоиться и разойтись.

- Царь разберётся в ваших обидах, дайте только срок! – увещевал он.

Продравшись сквозь толпу народа, сзади к Петру подобрался сын боярский Татищев и вонзил ему в спину кинжал. Обливаясь кровью, Басманов упал.

И тут с глаз людей как будто пелена спала. Радостно взыв, они сбросили с крыльца мёртвого Басманова и стали ломать двери, ведущие во дворец.

Всеобщими усилиями двери были выломаны, и толпа ворвалась во дворец. Но на пути заговорщиков и народа встали верные Дмитрию стрельцы. За их спинами прятался самозванец.

- Дайте слово молвить! – взывал он.

Но толпа его не слушала.

- Убить его! – кричал народ.

На пути разъярённой толпы встали плечом к плечу стрельцы, выставив вперёд бердыши.

Не желая проливать кровь стрельцов, князь Куракин стал их уговаривать:

- Выдайте самозванца, и мы вас не тронем, уйдёте восвояси.

- Ни в коем разе, – отвечали стрельцы.

Князь пообещал разыскать, привести во дворец и отдать на растерзание народа жён и детей стрелецких. Но и такая угроза не сломила духа стрельцов.

Узкая дверь не давала возможности воинам войти во дворец. Почувствовав, что он может избежать смерти, Дмитрий приободрился.

Андрей, бывший рядом с князем, не видя иного выхода, решил переломить ситуацию. Он выхватил пистолет, шагнул вперёд и выстрелил Дмитрию в грудь, сказав при этом:

- Что толковать с еретиком – вот я благословлю польского свистуна!

Глаза у самозванца на мгновение расширились, он сделал шаг назад, неловко взмахнул руками и упал навзничь.

После выстрела наступила тишина. Стрельцы, увидев гибель самозванца, расступились. Народ кинулся к поверженному Дмитрию и сорвал с него царские одежды. Кто-то не удержался и дважды ударил остывающий труп кинжалом.

Тело самозванца под улюлюканье толпы выволокли из дворца и сбросили с крыльца в грязь, под ноги толпы. Князь громогласно объявил присутствующим, что это не царь, а беглый пограсстрига Гришка Отрепьев. А восставшие уже отлавливали в Кремле прятавшихся поляков и

нещадно убивали их.

Марину и её отца Юрия повелением князя оставили в живых, но дочиста ограбили. Их отправили под охраной в Ярославль.

Благодаря войскам, погромы удалось остановить в этот же день к вечеру. Труп самозванца, всё ещё валявшийся у крыльца, Шуйский распорядился убраться. Его привязали к лошади, выволокли в поле и закопали у обочины дороги. Тело Басманова похоронили у церкви Николы Мокрого. Однако злоключения убитых на этом не закончились.

По Москве пошли слухи, что над могилой самозванца творятся чудеса. Кто-то видел сияние ночью, другие слышали голоса у могилы. Тогда труп вырыли, сожгли на Котлах и, смешав пепел с порохом, выстрелили из пушки в сторону Польши. Патриарха Игнатия, как наставника Дмитрия, тут же свергли.

19 мая в шесть часов утра народ, чины придворные, боярство и духовенство собрались на Красной площади. Представители духовенства предложили избрать нового патриарха и разослать грамоты по городам российским для созыва совета. В толпе закричали, что царь нужнее патриарха и что царём должен быть Шуйский. В ответ на эти выкрики никто не осмелился возразить.

Князь сделался царём, будучи не избранным, а выкрикнутым, без согласия всей Русской земли. По уму, энергии и знатности рода он был виднее многих бояр, но хорошо его знали только в Москве, и мало – в окрестностях её. К тому же Шуйскому было страшно избрание патриарха – ведь им мог быть священник, абсолютно к нему не расположенный. Не исключено, что выкрикнули Шуйского на царство люди, им подкупленные. Тогда выходило, что Шуйский переиграл всех.

Глава 5. Шуйского – в цари!

Шуйский, после того как он был выкрикнут, с целью успокоения дворянства целовал крест в Успенском соборе, что без боярского суда никого из дворян не приговорит к смерти. 1 июня 1606 года князь венчался на царство, но сделал церемонию нарочито скромной, без полагающейся пышности.

Однако же 17 мая, когда народ ещё громил поляков и грабил Кремль, из Китай-города, из столицы, в сопровождении двух поляков вышел Михайла Молчанов, один из убийц Фёдора Годунова. Он направился в Литву, распространяя по дороге слухи о том, что он и есть настоящий Дмитрий, а в Москве убили другого человека.

Слухи быстро долетели до Москвы. Во избежание сплетен и кривотолков Шуйский повелел доставить из Углича тело убиенного царевича Дмитрия, что и было исполнено.

Ещё тело убиенного самозванца не успело остыть, как уже появился другой самозванец, пока ещё не обладавший реальной силой.

Во время же штурма Кремля москвичами, тверцами и новгородцами князь Григорий Петрович Шаховской под шумок, пользуясь неразберихой, выкрал из дворца и унёс государственную печать.

Заняв престол, Шуйский за поддержку самозванца сослал Шаховского воеводой в Путивль, совершив непростительную ошибку. Новоявленный воевода тут же собрал жителей и объявил,

что царевич Дмитрий жив. Путивльцы восстали против Шуйского. Их примеру последовали северные города, и в первую очередь Чернигов, где был воеводой князь Андрей Телятевский. Он не поддерживал Лжедмитрия, но решил примкнуть к Шаховскому. Юг страны начал охватывать новый бунт.

Но у бунтовщиков не было идейного вождя, своего рода символа, знамени.

Шаховской позвал из Сомбора Михайлу Молчанова, но тот убоился и вместо себя послал Болотникова. Тот в свои молодые годы был холопом Телятевского, был взят в плен татарами, продан в рабство на галеры, бежал, пробираясь с европейского юга через Польшу домой.

Шаховской принял его, обласкал, дал войско. Он же кинул клич, и под знамёна Болотникова пошёл разный сброд: воры, грабители, беглые холопы, к которым примкнули стрельцы и козаки. Начались грабежи, разбои, поджоги дворянских усадеб. Россия, не успев оправиться от одной уособицы, вступала в полосу другой. Казна была пуста, войско в разброде.

Андрей был рад, что самозванца свергли, и даже горд, что именно он убил Лжедмитрия. Но он вовсе не способствовал, не хотел, чтобы к власти пришёл Шуйский. Маленький, пожилой, умный и очень скупой, любивший, ко всему прочему, доносчиков, он был полон противоречий и не пользовался большой поддержкой народа и бояр. Если Москва его приняла, то только потому, что он был меньшим злом, чем самозванец; и то многие города российские были против. И не столько против самого князя, сколько против выборов. Шуйского выкрикнули на площади, а не избрали выборщики от всех земель, как это было принято на Руси. При Шуйском патриархом был Гермоген, бывший митрополит Казанский. С твёрдым характером, жёстким нравом, неумеренной страстью, он не отличал истинного от ложного. Этой его слабостью и воспользовались враги Шуйского – они наговаривали на царя, стараясь поссорить его с митрополитом. Особенно преуспели бояре: Михаил Глебович Салтыков, позднее сосланный в Иван-город, князь Рубец-Мосальский, сосланный воеводой в Корелу, Богдан Бельский, отправленный в Казань. У них отняли поместья.

7 января 1598 года умер, не оставив наследника, последний отпрыск великой династии – царь Фёдор Иванович. Долгое правление Рюриковичей закончилось, ввергнув страну на долгие 14 лет в пучину Смуты: внешней интервенции, гражданской войны, череды временных правителей – Лжедмитрия, Шуйского, Петра, Тушинского вора, королевича Владислава. Русь залилась кровью, была разграблена. И только после разгрома поляков Дмитрием Пожарским с его ополчением, собранным Кузьмой Мининым, избрали первого царя из рода Романовых, Михаила. Эта династия правила 300 лет. А начиналось всё 26 октября 1601 года, когда стрельцы подожгли в Москве усадьбу Фёдора Никитича Романова. Главу семьи насильно постригли в монахи и сослали в Антониево-Сийский монастырь, не ведая, что это будущий патриарх Филарет. Жену его «замчали» в Заонежский Толвуйский погост, дочь Татьяну и сына Михаила – в Белоозеро. Выслали братьев: Александра Никитовича в Усолъе-Луду на Белом море, где он и умер в 1602 году, брата Михаила Никитовича – в Пермскую землю, там он умер в земляной яме. Брата Ивана Никитовича – в Пелым, Василия Никитовича – в Яренск, и он умер там в 1602 году. Ещё более жестоко поступили с челядью – многих холопов подвергли страшным пыткам. Объяснялось происшедшее просто: правящий Годунов получил донос о заготовке Фёдором Никитовичем ядовитых кореньев – якобы для отравления его, Годунова. Стрельцы искали не только коренья, но и корни заговора.

Сыск ничего не дал. Лишь один холоп сбежал из-под стрелецкого караула и теперь из глубины переулка смотрел, как пылает усадьба его благодетелей.

Холопа звали Гришка Отрепьев. Он не был Романовым, но стал первым со двора Романовых,

кто стал русским царём.

Холоп укрылся, принял постриг и жил среди чернецов Чудова монастыря в самом Кремле, рядом с Теремным царским дворцом. В дальнейшем, сев на престол, Лжедмитрий не забыл Романовых. Митрополита Филарета поставил на Ростовскую кафедру, брата Ивана Никитовича жаловал боярином, жене Фёдора Никитовича, Ксении Ивановне, подарил Игнатьевский монастырь.

Народ в Москве выжидал, что предпримет, какие шаги сделает новый государь.

Наследство Шуйскому досталось тяжёлое. Страна оказалась малоуправляемой, на военных постах в городах сидели тайные или явные сторонники Лжедмитрия, казна была разграблена и пуста. Из деятельных помощников – только один, молодой воевода князь Скопин-Шуйский, из родственников дальних.

Андрей же на улицах Москвы почти не показывался. Бояться ему было нечего, к нынешней власти он лоялен и даже участвовал в заговоре против Лжедмитрия. Просто ему нужно было время для раздумья – что предпринимать дальше? Помогать Шуйскому? Советчиков среди бояр у того и так много, да советы большей частью своекорыстные. А реального помощника, Скопина-Шуйского, убоявшись его возвышения, отравят на пиру в доме князя Ивана Михайловича Воротынского. И если уж воеводу, родственника царя не испугались отравить, то его, Андрея, и вовсе прихлопнут, как муху. В борьбе за власть, за влияние на царя все средства хороши. Впрочем, за жизнь свою Андрей не боялся, он сумеет постоять за себя, однако на пиры не ходил, поскольку не приглашали. Для князей он был слишком мелок, им не ровня.

Он о другом думал. О том, что князь Шуйский недолго на троне продержится. Уже в сентябре 1610 года польский гетман С. Жолкевский вывезет его в Смоленск, а затем и в Польшу, где Василий Иванович умрёт в заточении в Гостином замке. Помнил также, что и после Шуйского временщики будут. Только все они не добра Руси будут желать, не возвышения её, а только вечной власти и обогащения. А королевич Владислав так и вовсе Русь подчинить Польше хотел, превратить её во вторую Малороссию, где будут править польские паны, кичливые да гордые непомерно.

Вот и выходило, что некому пока служить. Шуйский тоже разбазаривал русские земли – ведь за наём шведского войска для борьбы с появившимся Лжедмитрием II он по договору обязывался отдать шведам Корелу.

Против него восстали народ и часть московского дворянства. В Теремной дворец, что в Кремле, отправился царский свояк, князь Воротынский, и объявил Шуйскому приговор Собора: «Вся земля бьёт челом: остави государство ради междоусобной брани, затем, что тебя не любят и служить тебе не хотят».

Царь положил посох и выехал из Кремля вместе с женой в свой боярский дом. 19 июля 1610 года боярин Ляпунов с четырьмя товарищами и монахом Чудского монастыря ворвался в дом Шуйских и насильственно постриг Василия Ивановича в монахи. Патриарх пострижения не признал, но это уже ничего не изменило – Шуйского свезли в Чудов монастырь. Жену его также постригли в монахини, а братьев взяли под стражу. Осенью этого же года Шуйский умер в Польше, и только в 1635 году прах его был перевезён в Москву и погребён в Архангельском соборе, усыпальнице русских царей.

Но это будет позже. Кое-что Андрей помнил из истории, однако же не в подробностях, а так, основное. Он понимал, что имело смысл познакомиться, войти в доверие к князю Дмитрию

Пожарскому, войско которого изгонит поляков из Москвы и страны. Но до 1612 года ещё далеко, и если на перспективу – то стоило приложить руку к содействию в возведении на престол Михаила Романова, первого царя из династии. Но сейчас он ещё даже не подросток – сейчас он просто мальчик, да и семья его не в лучшем положении.

Андрей размышлял несколько недель, иногда выходил на торг и слушал городские новости, которые день ото дня становились всё тревожнее, а подчас – и страшнее. Но ему очень не хотелось, сердцу было противно предлагать свои услуги одному временщику, выступая против другого. Как всегда, в период сумятицы, смены власти, тревожных вестей о новом самозванце и польской интервенции поднялись цены на продукты. Немногие москвичи могли позволить себе пшеничный хлеб – ржаного покушать бы досыта. Народ из города потянулся к родне, в сёла и деревни, где было легче выжить.

Купец Наум, у которого он квартировал, а заодно и охранял дом, заметил, что постоялец его не столь активен, как раньше.

– Андрей, не случилось ли чего? То ты целыми днями в городе пропадал да ещё и в нищего рядился, а ноне всё больше в комнате сидишь?

– Так власть изменилась, выжидаю.

– Чего тебе от власти-то? Царю, будь то это Годунов или Дмитрий, либо того же Шуйского возьми, до нас дела нет. Это бояре за власть дерутся, а у простого люда, такого, как я, о хлебе насущном забота. Где копейку добыть, как семью прокормить. Чую – засиделся ты. Через два дня обозом идём до Нижнего, на ярмарку. Заодно и развеешься, косточки разомнёшь.

Андрей даже рад был такому известию. Действительно, засиделся он в Москве. Ну – убил самозванца, а что изменилось, кроме того, что поляков из Кремля изгнали? Так и они – как тараканы. Только выбили, так вновь идут. Поистине, выгонишь в дверь, а они лезут в окно. Уж больно лакомый кусок – Русь. И земли обширны и людны, леса зверьём полны, и путь к персам и туркам – даже в Синд – свободен.

Полдня Андрей приводил оружие и амуницию в порядок. Пистолеты чистил, смазывал, заряжал, саблю и нож до бритвенной остроты довёл, одежду и сапоги проверил. На кафтане пуговицу, едва державшуюся, пришил. Обнаружив, что на подошве сапога скоро дырка появится – сносились толстая свиная подошва от беготни по мощёным улицам столичным, – вздохнул и отправился на торг, за новыми сапогами. До похода обновку обносить ещё надо, обмять по ноге. В походе хуже нет, если обувь жмёт или натирает.

Выехали обозом из шести телег. Науму уже давно пора было кораблик купить – для летних месяцев самое то. И груза больше возьмёт, и быстрее, и безопаснее. Однако жался Наум, выжидал чего-то, хотя деньги были. Андрей знал об этом.

Не успели они преодолеть за четыре дня и сотни вёрст, как навстречу попался отряд всадников. Обоз в сторону, на обочину съехал, возчики шапки стянули и застыли в поклоне.

Когда всадники исчезли из виду, Андрей спросил купца:

– Кто такие?

– Из князей Стародубских, Пожарский.

Ёлки-палки! Сам Дмитрий Михайлович! Как будто бы судьба или случай сами подсказывали ему, подталкивали к решению.

Андрей успел разглядеть молодое лицо князя с аккуратно оправленной бородкой.

По богатству род Пожарских значительно уступал тем же Романовым или Годуновым, но по знатности и древности рода превосходил их и вполне мог претендовать на престол. Ведь родословная их шла от великого князя Всеволода Большое Гнездо, который брату своему Ивану дал в удел город Стародуб на Клязьме. Княжество было невелико, но занимало стратегическое значение между Владимирским и Нижегородским княжествами.

В бытность Ивана Грозного тот сослал своего двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого в Стародуб, а князей Стародубских-Пожарских скопом отправил в Казань и Свияжск. Так знатный род оказался на периферии. И не только географически – их отдалили от жизни политической.

В 1593 году пятнадцатилетний Дмитрий прибыл на дворянский смотр. Борис Годунов оставил его при царском дворе, присвоил звание рынды, через два года – стряпчего, а в 1602 году жаловал в стольники. В ночь на 17 мая 1606 года Пожарского в Москве не было, в свержении Лжедмитрия он не участвовал, к заговору Василия Шуйского не примыкал. Его не наказали, но и не возвысили. А ныне он был призван на службу и участвовал в боях против Ивана Болотникова. Ехал же он из села Мугреево, своего родового гнезда. Жаль было князю бывшего удельного княжества. После смерти Старицкого город зачах и со временем превратился в село Клязьменский городок Ковровского уезда Владимирской губернии.

Андрей вздохнул. Кабы знать, что сам князь Пожарский, спаситель России от поляков, навстречу попадётся, нашёл бы он способ остановить его, переговорить. Ведь в Москве его знают под именем сына боярского Григория Валугева, по крайней мере – князя, участвующие в заговоре Шуйского.

Была у Андрея мысль сразу после переворота и возвышения Шуйского явиться в Кремль. Наверняка бы обласкан был и чином жалован. Но потом раздумал – зачем? Срок Шуйского на престоле недолог, а каждый вновь пришедший к власти почти всегда гнобит выдвиненцев предшественника. И ладно бы, если кончится ссылкой или удалением от двора, а то ведь могут и на плаху или виселицу отправить.

Поскольку лето было тёплым, хотя только июнь начался, Наум для экономии денег ночевал на природе, на полянках лесных, а не на постоянных дворах. Еду готовили на костре. Возчики ели и укладывались спать под телегами, а Андрей же просто вымотался. Мало того, что днём бдел, так ещё и ночью толком не спал – так, вполуха.

После частой смены государей, сумятицы в верхах, грабежей поляками и козаками народ ударился во все тяжкие – пил, воровал, грабил и разбойничал. Дороги для путников, и ранее небезопасные, стали опасны не только для перевозки груза, но и для самой жизни. Раньше, пять-десять лет назад, грабители забирали деньги и товар – зачем убивать, если выгоды не получишь? Сейчас не чурались крови и убивали не столько для ликвидации свидетелей или подавления сопротивления жертв – глумились, получая удовольствие от мучений людских.

От купца к купцу, от обоза к обозу передавались слухи – на какой дороге кого ограбили или убили. Купцы сбивались в крупные обозы – так было легче обороняться. Но зачастую и это не помогало. Банды или шайки тоже укрупнялись, не редкость были группы до полусотни человек. А у возчиков какая выучка? Да никакой! И оружие в большинстве своём – топор,

изредка – ржавая сабля, которой владели плохо. Потому и не спал толком Андрей.

Но обозу Наума повезло: до Нижнего – до самой ярмарки – добрались спокойно. Купец до полуночи не спал, прикидывая, какой товар и почём продавать станет. Андрей же отрубился напрочь, едва утром к завтраку растолкали. Обоз шёл до Нижнего три недели, и всё это время он не позволял себе расслабиться и выспаться, все дни и ночи начеку, как сжатая пружина. Но ведь и железо устаёт.

Наум снял в аренду амбар, перевёз и выгрузил в него товар. Возчики с лошадьми и подводами уехали за ярмарку, на край поля. Там было свободней, лошадей можно попасти на молодой травке. Андрей же остался при амбаре, а с ним – один возничий, который подносил купцу товары. Андрей амбар охранял практически безотлучно.

Вначале такая служба ему нравилась: запрётся изнутри и спит. Вроде на службе, при деле – и в то же время отоспаться возможность есть. Возничий, Григорий именем, как от Наума придёт, стучит и забирает товар. Он же и еду приносил.

Через неделю Андрей отоспался, отдохнул, и сидеть в амбаре ему стало надоедать, его деятельная натура требовала активных действий. Он стал меняться с Григорием. Пока тот отдыхает в амбаре, Андрей с товаром к купцу идёт. Григорию такая работа – как коту сметана. Андрею же – развлечение: людей посмотрит, на товары чужие поглядит, приценится. На Желтоводной ярмарке торговые гости изо всех земель русских, да и не только: и литвины здесь, и ногайцы, шведская речь изредка слышна, да ещё персидская – вот уж диво! Андрей тогда останавливался, делая вид, что товар смотрит, приценивается, а сам слушал жадно. Интересно было: языковая практика, новости. В частности, персы говорили меж собой, что урожай перца в этом году будет велик, но цены отпускать нельзя – ведь русские об этом не знают.

Об услышанном Андрей тут же доложил Науму.

- И что мне с того? – удивился Наум.

- Выгоды своей не понимаешь. Слух по ярмарке да на постоялом дворе пусти. Что-де перца в Персии – завались, стоит копейки. Часть купцов, кто поповоротливее, в Персию поплывут, и на ярмарке цены упадут по-любому.

- О, цены упадут не скоро, дай бог – к осени!

- Давай попробуем поторговаться! Купи оптом большую партию, глядишь – вдвое скинут.

- Быть того не может! Да я и языка их не знаю.

- Я помогу.

- Ты разве по-ихнему разумеешь?

- А как бы я про богатый урожай перца узнал?

Наум задумался.

- Перец, конечно, товар нужный, только хлеб ещё нужней.

- Ты купец, деньги твои, и решать тоже тебе. Моё дело – охрана.

На следующий день Наум с утра заявился в амбар и сразу направился к Андрею. Вид у него был невыспавшийся, помятый.

- Задал ты мне задачу! - начал он с ходу. - Веришь, всю ночь крутился, всё думал. Решил: беру, коли сторгуемся. Идём!

Андрей по-быстрому доел хлеб с салом, опоясался. Оружие он оставлял в амбаре, ходить с оружием по ярмарке - плохой тон, не принято, но и без пояса нельзя, не мальчуган сопливый.

Сразу направились к персам.

Для начала поздоровались уважительно, Наум ценой поинтересовался, Андрей толмачил.

Персы, как родной язык услышали, заулыбались, подобрели.

Наум торговался умело - чувствовались опыт и купеческая хватка. Он уже вполовину сбил цену, но продолжал торговаться дальше.

Тут уж персы упёрлись. Но по рукам в итоге ударили. Всю партию перца Наум забрал - двенадцать мешков. По весу перец - товар лёгкий, однако дорогой и специфический. Рядом постоишь - и чихать начинаешь.

Пока Андрей все мешки в амбар снёс, глаза красные стали, слезиться начали, в носу засвербело. Перцовая пыль во все щели лезет, и не дай бог маленькая дырка в мешке!

Наум вздыхал:

- Ох, на поводу у тебя пошёл, как бы не прогореть!

- Я тебе предложил, но не заставлял, ты сам решил. А перец завсегда нужен.

Это было правдой. Перец смешивали с солью и носили с собой в небольшом мешочке, приправляя этой смесью все блюда. А ещё ею посыпали свежую рыбу и убоину, чтобы продукт дольше не портился - где летом лёд найдёшь?

Понемногу Наум распродал свой товар и на вырученные деньги купил у вятских людей ржи да пшеницы. Товар, можно сказать, стратегический, во все времена и при любых правителях в ходу, да и хранится легко, лишь бы закрома сухие были. Ведь бунтовщики первым делом пытались отрезать Москву от южных областей, лишив её поставок хлеба - тот же Иван Болотников и поляки так поступали. Зерно ведь всегда судами возили, но потом поставки иссякли, а обозом много ли привезёшь? Однако если обозов много будет, то и голод столице не грозит. Так и получалось, что купцы не только о выгоде своей заботились, но и москвичей от голодной смерти спасали. Те, кто богаче, - пшеницу брали, кто победнее - рожь. Ржаной каравай ничуть не менее сытный, чем пшеничный.

Наум руки радостно потирал да в амбаре мешки пересчитывал. Лошадей и телеги перегрузить нельзя, путь длинный. На одну телегу пятнадцать-восемнадцать пудов положить можно.

Наум хоть и скупердяй был изрядный, ночевал, однако, на постоялом дворе - положение обязывало. В противном случае товарищи его, торговые гости, смотрели бы на него косо, кабы он в амбаре спал. Андрею же всё равно было, где спать. А в амбаре крыша над головой, тепло - что ещё надо?

Мешки с перцем обложили мешками с зерном, и перцовая пыль уже не так донимала.

Наум предупредил Григория, чтобы после завтрака лошадей запрягли да к выезду готовились. Мешки на телеги всей ватажкой погрузить недолго.

Андрей запер амбар изнутри и, как всегда, уснул на мешках с пшеницей. Мягко, удобно – уж всяко лучше, чем на голой земле.

Утречком сквозь маленькие оконца-продыхи солнце в амбар заглянуло, солнечный лучик прямо на лицо упал.

Андрей вскочил, сбегал к Волге, умылся чистой водицей, доел вчерашний пирог с капустой. Он не отказался бы от горяченького, так кулеш в походе будет.

Время шло, а Наум всё не появлялся. Для купца это было странно – обычно выезжали рано, чтобы до вечера успеть проехать побольше.

Минул час, другой.

В амбар заявился Григорий:

- Где хозяин? Грузиться пора!

- Сам бы хотел знать! Будем ждать. Может, на радостях принял на грудь лишнего, вот похмельем и мучается, проспал.

- Не было такого! Я купца, почитай, годков десять знаю, а не было.

Андрей и сам за купцом пьянства не замечал. Да пусть и не выпивка, может, приболел человек? И всё-таки поселилось у него в душе беспокойство.

Андрей немного посидел, раздумывая:

- Вот что, Гриша. Побудь тут покуда, не уходи – я на постоянный двор.

Он заткнул за пояс оба пистолета и прикрыл их полами кафтана, чтобы в глаза не бросались. Вокруг ярмарки был не один десяток постоянных дворов, но и их не хватало. Летом на ярмарку съезжались десятки торговых гостей вместе со своими многочисленными слугами. И если команды судов спали на кораблях, возничие у телег, то купцы – на постоянных дворах. А осенью, когда поспевал новый урожай, ярмарка разрасталась не менее чем вдвое-втрое.

Андрей заявился на постоянный двор, поздоровался с хозяином за стойкой.

- Купец Наум из Москвы завтракал ли?

Хозяин почесал затылок:

- Вроде не видел я его сегодня. Аким! Ты Наума, постояльца, видал ли?

- Нет, хозяин.

- Мы сегодня утром выезжать с обозом должны были, а его нет и нет. Не случилось ли чего?

- Пойдём, проведем гостя.

Хозяин смешно, по-нижегородски окал, выделяя букву «о» в любом слове и заменяя ею «а».

Они поднялись наверх, на второй этаж, где были комнаты постояльцев. На первом этаже были кухня, харчевня, людская.

Хозяин постучал в дверь, подождал. Никакого ответа, даже звука никакого из-за двери не донеслось.

- Он вчера не пил с другими?
- Поужинал, беседовал с другими постояльцами, но не пил ничего – даже пиво.
- Может, занедужилось, плохо стало? Отопри дверь.
- Как можно? Может, спит гость?
- Я ответчиком буду, открывай.

Хозяин вздохнул, снял с пояса связку ключей, выбрал один, отпер замок и толкнул дверь.

Наум в исподнем лежал на топчане, и с первого взгляда Андрей понял, что он мёртв. Нельзя быть живым, если в груди торчит нож. Хороший боевой нож, вогнанный в тело по самую рукоятку.

- Опа! – растерянно сказал хозяин.

Андрей оттеснил его в сторону и подошёл к Науму. Труп был ещё тёплый на ощупь – с момента убийства прошло не более двух часов. И руки, как и другие члены, не заоченели.

Андрей повернулся к хозяину.

- Кто? – грозно спросил он.
- Откель мне знать? Сам же видел – дверь на замок заперта была.
- В том-то и дело, что на замок. А ключи от него были только у Наума и у тебя.

Хозяин побелел. Если за дело возьмётся Пыточный приказ, пыток ему не избежать.

- Кто у тебя в постояльцах?
- Так на ярмарку ушли, постоялый двор пустой.

Андрей заглянул в сундук, пошарил рукой под подушкой, обыскал одежду. У Наума должны были быть деньги в калите – красной сафьяновой кожи. Он слишком часто видел её, чтобы не припомнить.

Он осмотрел убитого. Перстня на пальце не было, как не было и цепочки на шее. Оба украшения были золотыми и массивными. Теперь, по крайней мере, понятно, из-за чего убили – разбой.

Злость захлестнула душу Андрея. Да, Наум был жадноват, но мужик хороший, никому зла не делал. И работать с ним можно было – не гнобил, как некоторые.

Андрей вытащил из тела купца нож – длинный, с широким лезвием и массивной рукоятью. Такие на Руси называли боярскими. Сталь на лезвии хорошая, скорее – шведская. Дорогой нож, только почему его не забрали? Или спугнул кто-то?

- Хозяин, кто утром уезжал? Я имею в виду – не на ярмарку, а совсем?

- Новгородцы, двое. Одну комнату снимали. Слышал, как за столом говорили – вроде товар куплен, пора домой. Расплатились, всё честь по чести.

- Опиши, как выглядели?

- Один высокий, худощавый, рыжеватый – годов сорока. Другой среднего роста, плотный – за возраст не скажу. Весь волосьями зарос, ну чистый медведь. Борода лопатой, волосья на голове всклокочены, только глаза и видать. Но, полагаю, молодой. Ходит быстро, и голос мощный – как у дьяка в церковном хоре.

- А такого ножа у них не видел?

- Не видел, врать не буду.

Андрей обтёр лезвие ножа о простыню – всё равно она в брызгах и потёках крови.

- Они обозом пошли или на судне?

- Не знаю, думаю – обозом.

- Почему?

- Корабельщики на своих судах ночуют, а кто на постоялом дворе – так те на обозах. Судовые обычно на берегу кучкуются.

Довод разумный.

- Как их звали?

- Высокого – Антипом, медведеподобного – Николаем.

- Я сейчас старшего возничего пришлю, похоронить купца надо. Лето, не довезём до Москвы. Гроб, отпевание – всё на твоей совести.

- Это почему? – вскинулся хозяин.

- Потому что у тебя на постоялом дворе убили. Или ты хочешь, чтобы я в Пыточный приказ пошёл?

- Упаси Господь! Всё сделаю, как велишь.

- То-то! И не вздумай уваливать. У тебя постояльцев грабят и убивают. Слух пойдёт о бесчинствах – никто к тебе не пойдёт, разоришься. Так что не скупись, тебе же хуже будет. А я вернусь – проверю.

- Ты что же, на погребении не будешь?

- Ежели успею. Новгородцев найти попробую. У них дорог много, а у меня одна.

Андрей заткнул нож, которым был убит Наум, за пояс, подошёл к телу Наума и взял его за руку:

- Прости, Наум, не уберёг я тебя. Зря ты уединился. Но я постараюсь обидчика твоего достать.

Хозяину же сказал:

- Дверь в комнату на ключ запри. Возчики подойдут, скажут - Наумовы люди. И времени зря не теряй, одежды чистые ищи, гроб заказывай.

Андрей побежал к амбару. На стук в дверь вышел заспанный Григорий. В амбаре сладко спится, за толстыми стенами не слышно шума, покойно.

- Ну, когда едем?

- Не знаю, Гриша. Беда у нас: купца убили, деньги исчезли.

У Григория челюсть отвисла:

- Да как же это?.. А добро куда? А мы?

- Амбар я запру на замок. Идём к возчикам - ты с ними отправишься к хозяину постоялого двора. Знаешь, где Наум ночевал?

- Провожал однажды, помню.

- Хозяину скажешь - мы Наумовы люди. Помогите ему похоронить купца.

- Так у нас денег нет...

- У меня тоже! Хозяин за всё будет платить сам - за одежду, гроб, отпевание. Ваше дело - помочь могилу вырыть и гроб до неё донести.

- Постой, а ты куда?

- На Кудыкину гору! Попробую обидчиков купца сыскать.

- О! Гиблое дело! Попробуй найди их на ярмарке или в городе! Тут же людей тьма!

Отвечать Андрей не стал - и так времени потеряно много. Одна надежда - если новгородцы ушли с обозом, на коне он их быстро догонит. Плохо только, что он один. Купцов же двое, да ещё возчики. Если убийца действительно один из них, то он опасен, без сопротивления не сдастся.

Можно было пройти к лугу, где паслись лошади и стояли телеги, через ярмарку. Так короче, но вряд ли быстрее.

Шли по берегу, почти бежали: тут народу было меньше и передвигаться спокойнее. Торговые гости - люди зачастую с амбициями. Толкнёшь такого невзначай, и этим вполне можно спровоцировать обиду и драку.

Обозные, увидев Григория и Андрея, сразу приободрились, и кто-то уже пошёл за своей

лошадью.

- Отставить! - прикрикнул Андрей. - Гриша, оставь одного человека - как бы лошадей не увели. Остальные - с тобой. Где моё седло?

- На повозке лежит.

С помощью ездовых Андрей уложил седло на круп лошади, возничие быстро затянули ремни. Они ещё не знали, что купца нет в живых, но поняли - что-то случилось.

Андрей вддел носок сапога в стремя и вскочил в седло. Отдохнувшая, отъевшаяся кобылка сразу рванула галопом. Теперь Андрей ехал между ярмаркой и высоким берегом. Он повернул, и ярмарка осталась слева, на огромном лугу.

Он объехал вокруг города и выехал на московский шлях - скорее всего, обоз пойдёт тут. Были и другие дороги, но эта короче - от Нижнего до Москвы, потом на Великий Новгород.

Славившиеся на всю Русь новгородские купцы после массовых казней и разорения Новгорода кромешниками изменились. Раньше - лихие люди, чаще плававшие на ушкуях, бравшие на меч столицу ордынскую - Сарай, ноне измельчали и ходили обозами. Однако у некоторых удаль, подкреплённая наглостью, осталась. Такие при встрече в глухом месте сами были не прочь ограбить прохожего или своего брата-купца. И потому подозрение сразу пало на новгородцев.

Конь легко шёл по дороге, обгоняя обозы. Андрей натягивал поводья, пытаясь хоть немного сбавить темп лошади, чтобы разглядеть сидящих на телегах купцов - краткое описание их он получил от хозяина постоянного двора. На возничих Андрей внимания не обращал - их не было на месте убийства.

Один, второй, пятый обоз остались позади - движение по тракту было относительно оживлённым. Обозы тянулись к ярмарке, шли от Нижнего с купленным товаром, разъезжались по своим городам.

Андрей прикинул. После убийства до его выезда прошло приблизительно три часа. За час обоз успевает пройти пять вёрст, стало быть, обоз который он ищет, где-то рядом. Если только он не ошибся, потому что обоз мог пойти по другой дороге; да и не факт ещё, что убийца - новгородец. Вероятность велика, но не более того.

Он нагнал большой обоз - телег десять-двенадцать, натянул поводья, заставляя коня перейти с галопа на шаг, и, поравнявшись с последней телегой, широко улыбнулся:

- Эй, славяне! Чьи будете, куда идём?

Возничему было скучно одному на возу, и он ответил охотно:

- Из Господина Великого Новгорода мы, с ярмарки домой возвращаемся.

- Оба купца тут?

- Как есть оба.

- Николай на какой телеге?

- Так ты его знаешь?

- Видал на постоялом дворе.
- Ищи на третьей телеге с головы обоза.

Андрей стал обгонять подводы. Вот и третья. На ней двое – возничий и плотного сложения купец. Увидев Андрея, он повернул в его сторону голову, и Андрей про себя мельком отметил, что по описанию хозяина – точно он: звероподобного вида, волосьями зарос. И мышцы на руках кафтан спрятать не может – силён, точно медведь. С таким в рукопашной схватке лучше не сходиться. Лапищами обхватит, сожмёт – только рёбра захрустят.

Андрей поравнялся с телегой, потянул на себя поводья и обратился к сидящему в ней купцу:

- Здравствуй, Николай!
- Разве мы знакомы? – удивился купец.
- Тебе привет Наум передаёт!
- Какой Наум? Не знаю такого!

Но в глазах купца на долю секунды метнулся и исчез страх. Точно, на нём грех!

- Так ты нож забыл, Николай! – Андрей вытянул из-за пояса нож и показал его купцу.
- Э, таких ножей в Великом Новгороде полно! Шведской стали – их на торгу каждый второй продаёт.
- Остановись! – приказал возничему Андрей.
- Не слушай пустобрёха, езжай, – вмешался купец.

Андрей соскочил с лошади и схватил под уздцы купеческого коня. Повозка встала. Ездовой вскочил на облучке и занёс над Андреем кнут, желая его ударить, однако тут же увидел ствол пистолета, направленный ему в лоб. Опустив кнут, он плюхнулся на облучок, и желание стегнуть Андрея тут же испарилось.

Купец пистолета в руке Андрея не видел, и потому, выхватив кнут у ездового, взмахнул им.

Андрей выстрелил. Грохот, клуб чёрного дыма, вскрик купца – всё слилось практически воедино. Обоз встал.

Когда дым снесло ветром, Андрей увидел, что купец левой рукой схватился за пробитую пулей правую руку и заорал:

- Ратуйте, разбойник!

От подвод уже бежали на помощь ездовые – кто с топором, кто с дубиной. От первой подводы бежал высокий и худощавый человек, судя по кафтану – тоже купец.

- Стой, Антип! – вскинул руку Андрей.

Купец остановился.

- Ты что же бесчинствуешь? Моего сотоварища покалечил! Да мы тебя...

- Окстись, купец! Или со своим сотоварищем в Пыточный приказ хочешь? Николай человека убил на постоялом дворе.

- Ты кто такой, откуда моё имя знаешь?

- Охранник я купца Наума, которого вот этот убил.

- Лжа! - вскричал Николай. - У тебя видаки есть?

- Видаков у меня и вправду нет, - спокойно ответил Андрей.

Ездовые, до этого молча стоявшие вокруг, возмущённо заговорили:

- Облыжно уважаемого человека обвиняешь! Самого в Пыточный приказ надо!

- Погодите, разберёмся! - возвысил голос Андрей, стараясь перекричать ездовых.

Гул голосов стих.

Андрей поднял над головой нож:

- Кто из вас видел такой?

В тишине раздался голос Антипа:

- Я видел, у Николая.

- Этим ножом был убит купец Наум.

- Да таких ножей на торгу в Великом Новгороде полно! - закричал Николай.

- Верно, правду говорит, - подтвердили ездовые.

- Если нож не тот, пусть покажет свой, - потребовал Андрей.

Все уставились на Николая. Тот закричал:

- Нет у меня ножа, видно, потерял на ярмарке.

Прозвучало не совсем убедительно, но возчики поддержали:

- Подумаешь - нож потерял!

- Тогда давайте осмотрим одежду и повозку купца. У Наума была калита красной сафьяновой кожи с бронзовой клёпкой.

- Не дам обыскивать! - закричал Николай. - Не по «Правде»! [1]

- А убивать по «Правде»? - жёстко спросил Андрей.

Возчики перерыли телегу, в которой ехал Николай, однако ничего не нашли.

- Невиновен он! Зря из пистоля стрелял! На суд обидчика! - закричали ездовые.

Голос их ничего не решал. Половина ездовых была самого купца, а другая, хоть и Антипа, да всё равно земляки.

- Раздевайся! - приказал Андрей Николаю.

- Не бывать такому, я честный купец! - запротестовал Николай.

- Я не против, но только тогда поедешь со мной в Пыточный приказ. Там тебя и обыщут.

Купцу ехать в Нижний Новгород не хотелось, а пуще того - не хотелось ехать в Пыточный приказ. После массовых казней Ивана Грозного в Великом Новгороде жители боялись одного упоминания о государственных приказах.

Антип же колебался.

- Или я обыскиваю тебя здесь, на глазах у всех, или везу в Пыточный приказ. Другого не будет! - предупредил Андрей.

- Ладно, - скривившись, согласился Николай.

- Желающие есть? - спросил Антип.

Ездовые потупили головы - никому из них не хотелось портить отношения с купцом.

Андрей шагнул вперёд.

- Подними руки!

Николай подчинился и вскинул руки вверх.

Андрей провёл по рукавам, по кафтану - калиты не было. Его пробил холодный пот - неужели он ошибся? Если так, суд наложит на него виру, и немалую, а то и в поруб бросит.

- Повернись спиной, - спокойно сказал он купцу, ничем не выдав своего состояния.

Купец повернулся, и тут Андрей обнаружил у него за поясом нечто увесистое. Завернув кафтан, он залез рукой за пояс и вытащил... красную калиту!

Ездовые от удивления ахнули.

Пока народ стоял в оцепенении, купец прыгнул вперёд, стараясь как можно скорее достичь края леса и нырнуть в него.

Андрей ожидал нечто похожее и потому выхватил из-за пояса второй пистолет и выстрелил Николаю в спину.

Ездовые снова ахнули - на этот раз от испуга.

Купец упал.

Андрей подбежал к нему, нагнулся. Рана была сквозной. Пуля угодила немного выше левой лопатки и вышла под левой ключицей. Из рта купца текла кровь. Судорога несколько раз свела тело купца, затуманенные болью глаза остановились.

Рядом остановился подбежавший Антип.

- Нехорошо получилось! Как же это? Ведь мы вместе уже три года, и ничего предосудительного за ним я не замечал. И вдруг - убил! Что я семье скажу?

- Так и скажи: грабитель-де и убийца ваш муж и отец!

- Жестоко!

- А каково мне говорить семье Наума, что он убит? И сейчас его хоронят, а я здесь!

Андрей сунул калиту за пазуху, подошёл к лошади и запрыгнул в седло.

- К тебе, Антип, у меня претензий нет, прощай! С телом убитого поступай как знаешь.

Андрей развернул коня и пустил его галопом. Может, успеет к погребению? Своё обещание отомстить убийце он сдержал, пусть Николай теперь держит ответ перед высшим судьёй - Господом.

Однако в душе Андрея было пусто, удовлетворение отсутствовало. Он отомстил, зло наказано, но было противно. За один день Наума убили, и он убил Николая - двух русских купцов не стало. И из-за чего? Из-за горстки денег в калите! Неужели ради жалкой кучки монет надо идти на тяжкий грех? Нет, золото всё-таки зло!

Он подскакал к постоялому двору, привязал лошадь к коновязи и взбежал по ступенькам.

- Где хозяин?

- На похоронах. Сейчас, должно, отпевают.

- Где церковь?

- Выйдешь на улицу - держись правой руки. Пройдёшь немного - колокольню увидишь.

- Понял, спасибо.

Андрей почти побежал, лошадь брать не стал - не принято на похороны на лошади ехать.

Из церкви уже выходил народ, ездовые выносили гроб с телом Наума. Далеко нести не пришлось, небольшое кладбище было при храме.

Священник прочитал молитву. Андрей подошёл к гробу. Рядом уже стояли ездовые, собираясь забить гвоздями крышку гроба.

Андрей положил рядом с телом Наума нож и взял руку купца в свою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal,

WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)

mir-knigi.org